

Библиотека
психоанализа

Жан-Мишель
Кинодо

П р и р у ч е н и е ОДИНОЧЕСТВА

*Сепарационная тревога
в психоанализе*

Предисловие Ханны Сигал



Библиотека психоанализа

Жан-Мишель Кинодо

**Приручение одиночества.
Сепарационная
тревога в психоанализе**

«Когито-Центр»

1991

Кинодо Ж.

Приручение одиночества. Сепарационная тревога в психоанализе
/ Ж. Кинодо — «Когито-Центр», 1991 — (Библиотека
психоанализа)

В «Приручении одиночества» Жан-Мишель Кинодо представляет всесторонний подход к переживаниям одиночества как универсального явления, которое можно наблюдать и в повседневной жизни, и в любой терапевтической ситуации. В первой части книги автор, используя клинический пример, излагает способы выражения различных форм сепарационной тревоги и ее возможные трансформации в ходе психоаналитического процесса. Во второй части подробно рассматриваются основные психоаналитические подходы, которые применяются в случаях проявления сепарационной тревоги. В третьей части исследуются некоторые технические и клинические аспекты проблем, возникающих при интерпретации данного типа тревоги. Написанное просто и ясно, «Приручение одиночества» заинтересует всех психоаналитиков и психотерапевтов.

© Кинодо Ж., 1991

© Когито-Центр, 1991

Содержание

Предисловие	6
Часть первая	7
1. Сепарационная тревога в трансферентных[2] фантазиях	7
Два лика одиночества	7
Сепарационная тревога как универсальный феномен	8
Как манифестирует сепарационная тревога	8
Между сознательным и бес сознательным	9
Фрейд, сепарация и утрата объекта	10
Реальность и фантазия сепарации и утраты объект	10
Сепарационная тревога в отношениях аналитика и анализанда	12
От клинической практики к различным теориям	13
Примечания	14
2. Клиническая иллюстрация сепарационной тревоги	15
Разнообразие проявлений сепарационной тревоги	15
Значение случая отыгрывания	16
Повторение инфантильной психической травмы	17
К вопросу проработки эдипальной ситуации	19
Связующее звено между любовью и ненавистью при амбивалентности	19
Возвращение сепарационной тревоги при приближении к окончанию анализа	20
Что означает оставаться собой и выносить одиночество	21
3. Подходы к интерпретации сепарационной тревоги	22
Сепарация и дифференциация	22
Проведение различий в целях унификации	23
Сепарационная тревога и проработка скорби	24
Потери и приобретения	25
На пересечении нарциссических и объектных отношений	27
Сепарационная тревога и нарциссические расстройства	28
Примечание	29
Часть вторая	30
4. Фрейд, сепарационная тревога и потеря объекта	30
Сепарация и потеря объекта в ранних работах Фрейда	30
«Печаль и меланхолия» (1917e [1915])	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Жан-Мишель Кинодо

Приручение одиночества.

Сепарационная тревога в психоанализе

«...– А как это – приручить?»

– Это давно забытое понятие, – объяснил Лис. – Оно означает: создать узы.

– Узы?

– Вот именно, – сказал Лис. – Ты для меня пока всего лишь маленький мальчик, точно такой же, как сто тысяч других мальчиков. И ты мне не нужен. Я для тебя всего только лисица, точно такая же, как сто тысяч других лисиц. Но если ты меня приручишь, мы станем нужны друг другу. Ты будешь для меня единственный в целом свете. И я буду для тебя один в целом свете.

– Я начинаю понимать, – сказал Маленький Принц. – Есть одна роза. Наверно, она меня приручила...»¹

Антуан де Сент-Экзюпери. «Маленький Принц».

Jean-Michel Quinodoz

La solitude apprivoisée

L'angoisse de séparation en psychanalyse

Préface de Hanna Segal

Paris

QUADRIGE / PUF

2002

Ouvrage publié avec le soutien du Centre national du livre – ministère français chargé de la culture

© Presses Universitaires de France, 1991

Книга опубликована при поддержке Центра национальной полиграфии и Министерства культуры Франции

Предисловие Ханны Сигал

Перевод – Т. Пушкаревой

В оформлении использован рисунок первого российского психоаналитика И.Д. Ермакова, любезно предоставленный его дочерью М.И. Давыдовой

Предисловие

Жана-Мишеля Кинодо я знаю с 1978 года, он был членом рабочей клинической группы усовершенствования, которую я вела в Женеве до 1984 года. С тех пор мы периодически обсуждали некоторые клинические и теоретические вопросы. На протяжении всех этих лет его приверженность психоанализу, серьезность в работе и способность продуцировать идеи неизменно вызывали мое уважение. Представляемая книга прекрасно отражает эти качества.

Автор обращается к проявлениям сепарационной тревоги в клинической практике. В аналитической литературе, начиная с Фрейда, большое внимание уделялось сепарационной тревоге, однако немного было написано о том, какую решающую роль играет эта тревога и защиты против нее в психоаналитическом процессе. Фрейд говорит о черстве хлеба, который выпадает на долю аналитика по понедельникам, но не упоминает при этом пациента. На примере детально описанного клинического материала Ж.-М. Кинодо убедительно демонстрирует различные формы и содержания сепарационной тревоги, а также работу, необходимую для проработки этой тревоги и понимания защит от нее.

Во второй части рассматриваются основные психоаналитические теории сепарационной тревоги, начиная с Фрейда, включая Кляйн, Фэйрберна, Винникотта, Балинта, Анну Фрейд, Спитца и Малера. По ходу книги он ссылается и на других авторов.

В последней части книги автор рассматривает вопросы окончания психоанализа и представляет собственное оригинальное понятие «портанс». Приводятся два неидентичных словарных определения значения этого слова. Первое определение обозначает силу, необходимую для поддержания структуры материала, – например, фундамента дома; второе определение используется в физике и обозначает вертикальную силу, которая в комбинации со скоростью обеспечивает подъем, – например, взлет самолета. По мнению Кинодо, в результате успешного разрешения сепарационной тревоги пациент приобретает портанс, то есть комбинацию упомянутых двух свойств, которые становятся крепкой основой внутреннего мира и способности к духовному подъему. Автор описывает констелляцию внутренних объектных отношений, которая обеспечивает личности портанс. Обретение этих качеств не только дает возможность переживать сепарацию и одиночество, но и является источником жизнерадостности, способности держаться на плаву и стимула к жизни.

Я думаю, «Приручение одиночества» – весьма значимая книга. Клинический подход в ней сочетается с глубоко научным пониманием теории, рождая новые идеи, которые обогащают и теорию, и клиническую практику.

Ханна Сигал

Часть первая

Сепарационная тревога в клинической практике

1. Сепарационная тревога в трансферентных² фантазиях

«Если хочешь, чтобы у тебя был друг, приручи меня!»
Антуан де Сент-Экзюпери. «Маленький Принц»

Два лика одиночества

У одиночества два лика: оно может быть очень плохим советчиком, но, если его приручить, может стать бесценным другом. Можно ли приручить одиночество? Возможно ли превратить его в реальный способ общения с самим собой и с другими?

В этой книге я хочу показать, как, благодаря психоаналитическому опыту, можно пережить и трансформировать одиночество и каким образом порой враждебное и безысходное чувство одиночества может постепенно развиваться в так называемое прирученное одиночество и создать основу доверительного общения с самим собой и с другими. По мнению аналитиков, этот переход осуществляется путем проработки сепарационной тревоги и тревоги, связанной с потерей объекта, и в этом процессе представлены психологическое развитие индивида и сходное с ним развитие аналитических отношений. Чрезмерная сепарационная тревога приводит к трагическому страху одиночества и брошенности – источникам психической боли и аффекта печали, как отмечал Фрейд в 1926 году. Как одиночество, изоляция может обернуться убийственной бездной:

«Вы в разлуке всего лишь с одним существом, и мир становится безлюден» (А. де Ламартин, «Одиночество»). Напротив, прирученная сепарационная тревога становится оживляющей силой: приручение одиночества означает не устранение тревоги, но обучение возможности смотреть ей в лицо и использовать на благо жизни. Тогда переживание одиночества приносит убежденность в своей уникальности, в уникальности другого, и отношения с собой и другими приобретают огромную ценность. Именно так я понимаю Маленького Принца, когда он говорит розам: «Таким был прежде мой Лис. Он ничем не отличался от ста тысяч других лисиц. Но я с ним подружился, и теперь он – единственный в целом свете» (Saint-Exupéry p. 72).

В этой вводной главе я бы хотел рассмотреть чувство одиночества и сепарационной тревоги в психоаналитическом контексте. Этот тип тревоги является универсальным фактом повседневной жизни и воспроизводится в отношениях с личностью аналитика, в сущности, формируя развитие переноса. Сепарационная тревога действительно обладает отличительными характеристиками в переносе, которым занимается психоанализ. Ввиду своей бессознательной природы, сепарационная тревога имеет тенденцию к воспроизведению в качестве инфантильного опыта в настоящих отношениях с психоаналитиком. Она может быть распознана, возникая в отношениях между анализандом и аналитиком, что позволяет ее интерпретировать и прорабатывать.

² Здесь и далее – связанных с трансфером, переносом. – *Примеч. пер.*

Сепарационная тревога как универсальный феномен

Рассматривая сепарацию в контексте интерперсональных отношений, можно отметить, что нормальная сепарационная тревога связана с болезненным чувством страха, возникающим тогда, когда эмоциональные отношения со значимым лицом из близкого окружения оказываются под угрозой или прерываются. Прерывание может быть результатом потери эмоциональной связи (утрата любви) или следствием действительной потери значимого человека. Мы склонны использовать термин «сепарация» для временного перерыва, а термин «утрата» – в случае окончательного расставания. Вместе с тем фантазии сепарации и утраты имеют тенденцию к смешиванию, в подобных случаях сепарация переживается как утрата.

Хотя сепарационная тревога является универсальным феноменом, в действительности это настолько глубокое и привычное личное переживание, что необходимы дополнительные усилия для осознания этого беспокойства, сопровождающего каждый текущий момент нашей повседневной жизни. Стоит задуматься над тем, какие слова мы говорим, когда приветствуем друзей и близких после расставания или перерыва в отношениях: «Я так рад снова видеть тебя... я думал, ты пропал, я волновался, ничего не зная и не имея новостей о тебе... Не оставляй меня одного...»

Таковыми словами, в кажущихся тривиальными обстоятельствах, мы выражаем фундаментальную потребность в эмоциональных отношениях и тоску при мысли о расставании с теми, кого любим. Поэтому сепарационная тревога является отражением болезненного ощущения, которое в большей или меньшей мере является осознанным и сопровождает восприятие быстротечности человеческих отношений, собственного существования и существования других. В то же время это является структурирующим переживанием для Эго, поскольку восприятие боли одиночества, во-первых, убеждает нас в том, что мы существуем в качестве отдельных и уникальных существ, уважающих других, и, во-вторых, в том, что эти другие отличаются от нас. Таким образом, сепарационная тревога создает основу нашего чувства идентичности и нашего знания о других – тех, кого мы, психоаналитики, привыкли называть «объектом», чтобы отличить их от «субъекта».

Как манифестирует сепарационная тревога

Сепарационная тревога обычно проявляется в эмоциональных реакциях, которые можно описать, как чувства, возникающие в ситуации расставания (разлуки), когда мы переживаем одиночество, ощущение брошенности, грусть или злость, фрустрацию или отчаяние. В зависимости от степени тревоги, эмоциональная реакция на сепарацию может принимать любую форму аффективного ряда. Эти реакции могут быть выражены относительно слабо, в форме беспокойства и печали, и могут быть трудно переносимыми, как проявления психических (депрессия, мания, суицид), функционально-соматических (поражающих функции) или психосоматических (вызывающих органические повреждения) расстройств. Сепарационная тревога является одной из наиболее распространенных непосредственных причин патологических проявлений, ответственных, в частности, за многие формы психических и соматических заболеваний или несчастных случаев.

Способность сдерживать тревогу (в частности, сепарационную) варьирует, при этом нормой считается способность данного индивида совладать с тревогой и прорабатывать ее. Тем не менее, эту способность можно развить, а тревога может возникать в результате действия внутренних и внешних причин, как мы увидим далее, двух взаимосвязанных факторов. С другой точки зрения, реагирование на сепарацию или потерю объекта в большинстве случаев коре-

няется в бессознательном и имеет значение, находящееся вне сознательной сферы субъекта. Перейдем к рассмотрению этого вопроса.

Между сознательным и бессознательным

Давайте рассмотрим сепарационную тревогу в терминах сознательных и бессознательных психических феноменов – то есть в соответствии с первой топографией Фрейда (Freud, 1915e).

Как правило, при относительно хорошей толерантности к сепарационной тревоге субъект тревоги в значительной степени осознает, что сепарация касается катектированных отношений со значимым человеком и переживаемые чувства, к примеру, печаль или одиночество, имеют отношение к сознательным связям в отношениях с этим человеком. Общеизвестно, что любая психическая реакция имеет сознательный и бессознательный компоненты. Однако бессознательные механизмы превалируют, когда тревога чрезмерна, и тогда субъект защищается от натиска тревоги, изгоняя ее в бессознательное, используя любые защитные механизмы, такие, как вытеснение, смещение или другие виды защиты. Далее мы увидим, что при слишком интенсивной тревоге используется расщепление Эго и отрицание эмоций. В результате действия защитных механизмов, в случае сепарации или утраты катектированного объекта, субъект, страдающий от сепарационной тревоги, не осознает, с кем связаны его страдания, или не отдает отчета в своих чувствах.

Например, при чрезмерно болезненной сепарации субъект может сместить чувство печали и покинутости и переживать их в отношении кого-то другого, не сознавая того, что не испытывает печали в отношении человека, отсутствие которого действительно является ее источником. Такого рода смещения чувств часто можно обнаружить в основе парапраксиса.

Упомянутые защитные механизмы смещения и парапраксиса, направленные против восприятия тревоги, являются феноменами, большей частью ускользающими от сознательного субъекта. Фрейд назвал «бессознательным» тот уровень, на котором находятся эти феномены, чтобы отделить их от опыта, воспринимаемого на сознательном уровне. Стороннему наблюдателю зачастую достаточно легко установить причинные связи между сепарацией и многочисленными бессознательными проявлениями соответствующего типа тревоги. Вместе с тем все выглядит совершенно иначе для встревоженного человека, который не способен увидеть какую бы то ни было взаимосвязь между феноменами, ускользающими от него, так как они находятся вне поля сознательного, то есть в бессознательном. Возвращаясь к упомянутому примеру смещения, сам заинтересованный человек не осознает того, что направляет свою печаль или гнев на того, кто не является истинным объектом этих чувств.

В отношении сепарационной тревоги можно наблюдать то же, что обнаружил Фрейд в случае многих психических заболеваний, – когда человек, имеющий симптомы, связанные с этим типом тревоги, наконец убеждается в их бессознательных истоках; сознание, оживляясь в трансферентных отношениях, помогает разрешить эти симптомы. Это один из основных принципов психоаналитической работы.

Проведем сравнение между скорбью (печалью) и сепарационной тревогой. В случае нормальной скорби страдающий осознает связь между грустью, сепарацией и потерей любимого человека, в то время как при патологической скорби эта связь имеет тенденцию становиться бессознательной: страдающий от сепарации или утраты едва ли дает себе отчет в том, кого он утратил, или, по меньшей мере, – что он утратил (Freud, 1917 [1915]). Пока субъект не сможет осознать бессознательные узы, привязывающие его к объекту, невозможно начать проработку скорби, через которую он может отделиться от объекта и разрешить симптомы. В сравнении с другими подходами к сепарационной тревоге, психоаналитическое исследование является особенно ценным, поскольку дает потенциальную возможность проработать неосознаваемые феномены.

Фрейд, сепарация и утрата объекта

Основные бессознательные реакции индивида на сепарацию и утрату объекта были описаны Фрейдом. На протяжении всей жизни он исследовал истоки этих психологических реакций и причины их многообразия. Он задавался вопросом о том, что вызывает боль? Что приводит к возникновению тревоги? Что вызывает патологическую печаль? И какова природа нормальной печали? Ответы Фрейда содержатся в двух крупнейших работах.

В книге «Печаль и меланхолия» (Freud, 1917e [1915]) Фрейд открывает, что причиной депрессивной реакции на утрату объекта является частичная идентификация с утраченным объектом и смешение с ним, как защита от чувства утраты. В «Печали и меланхолии» Фрейд начинает придавать большее значение отношениям субъекта с внутренними и внешними объектами, в то время как понятие объекта, так же как и Эго, становится все более определенным (специфичным). Несколькими годами позже, модифицировав свои прежние взгляды на происхождение тревоги, используя вторую топографию с новым разделением психического аппарата на Эго, Супер-Эго и Ид (дополняя первую топографию, согласно которой осуществлялось деление на сознательное, предсознательное и бессознательное), Фрейд рассматривает тревогу как аффект, переживаемый Эго. Начиная с работы «Подавление, симптомы и тревога» (Freud, 1926d), он приписывает тревогу фантазиям страха сепарации или утраты объекта. Фрейд рассматривает тревогу как состояние психической беспомощности Эго при столкновении с угрозой опасности, возвращающей состояние психической и биологической беспомощности, переживаемой младенцем в отсутствии матери, существа любимого и в высшей степени желанного. Таким образом, у Фрейда страх сепарации является прототипом тревоги.

Потребовалось определенное время для признания этих новых взглядов Фрейда, согласно которым сепарация и утрата объекта являются преобладающими в причинно-следственных отношениях тревоги и защитных механизмов; на самом деле некоторые психоаналитики до сих пор оспаривают их. На мой взгляд, основным камнем преткновения является трудность в определении роли фантазий в сравнении с реальностью в случае сепарации и утраты объекта.

Обсуждение этого важного вопроса позволит нам лучше понять возможности психоаналитического подхода к решению проблемы, лежащей на пересечении реальности и фантазии, — то есть между внешней и психической реальностью.

Реальность и фантазия сепарации и утраты объект

Проблема отношений между внешней и внутренней реальностью наиболее остро проявляется в крайне выраженных формах сепарационной тревоги. По-видимому, это связано с распространенным употреблением термина, подразумевающего реальную сепарацию или утрату объекта, и склонностью недооценивать роль фантазий, то есть бессознательных желаний, якобы послуживших причиной исчезновения объекта.

Психоанализ учит рассматривать реальные переживания сепарации не только как факты действительности, но и как события, которые интерпретируются на языке фантазий. И наоборот, можно наблюдать, как фантазии и отношения с внутренними образами объектов оказывают прямое влияние на отношения с реальными людьми через постоянное двустороннее движение механизмов проекции и интроекции.

Важность фантазий в сравнении с реальностью при сепарационной тревоге и утрате объекта по-разному оценивалась психоаналитиками. Аналитики, интересующиеся изучением последствий реальных случаев сепарации и утраты, естественно, придавали большее значение

пониманию сепарации преимущественно как проблемы отношений с внешней реальностью, которая находится за пределами специфической сферы психоанализа.

Это относится к работам Анны Фрейд, Спитца и Боулби, посвященных, в частности, сепарации детей от реальных людей и (в трансферентных отношениях) сепарации от реальной личности аналитика. К примеру, Анна Фрейд считала, что переживание сепарации от психоаналитика во время анализа снова пробуждает воспоминания о действительных сепарациях в детстве, оживающих в переносе (Sandler et al., 1980).

Хотя ясно, что в 1926 году Фрейд, приписывая сепарации ведущую роль в возникновении тревоги, определенно принимал во внимание инстинкты, то есть бессознательные желания исчезновения объекта, а не только реальность, ему было предъявлено обвинение в чрезмерном акцентировании роли реальности, в частности, французскими психоаналитиками, например, Лапланшем (Laplanche, 1980). В то время, как Фрейд пытается объяснить различные значения сепарации в соответствии с важными фазами развития, выделяя сепарацию рождения, отлучения от груди, утраты фекалий на прегенитальной стадии, Лапланш, соответственно, полагает, что Фрейд адресует только к первому реальному событию как к источнику тревоги. На мой взгляд, обращаясь к «похвалам в адрес доктрины Фрейда» (Laplanche, 1980, p. 144), Лапланш в этом случае заходит слишком далеко в своем критицизме определенной двусмысленности, которая, по общему признанию, присуща работе «Подавление, симптомы и тревога». Как и многие аналитики в наши дни, лично я думаю, что Фрейд в своей новой теории тревоги стремился объяснить различные значения фантазий сепарации и утраты объекта, варьирующих в зависимости от преобладающих ощущений, телесного и душевного опыта развития младенца, дающего начало фантазиям. Хотя некоторые формулировки Фрейда носят эмпирический характер, в основе его понимания лежат потребности и инстинкты, ответственные за травматический характер сепарации или утраты – потери объекта. Подтверждение этому будет найдено при последующем рассмотрении материалов книги «Подавление, симптомы и тревога» на страницах этого исследования.

Для Мелани Кляйн тревога сепарации и потери объекта главным образом связана с агрессивными фантазиями деструкции объекта. По ее мнению, страх исчезновения объекта может переживаться в параноидной форме – когда доминирует фантазия о возможности быть атакованным плохим объектом или, в депрессивной форме, когда фантазия потери интернализованного хорошего объекта превалирует над страхом быть атакованным плохим объектом. Поскольку Кляйн придает большое значение внутреннему миру и фантазиям, иногда может возникнуть ощущение, что она недооценивает влияние объектов внешней реальности, но это не так. Развивая ранние гипотезы Фрейда и Абрахама, она детально описывает инстинктивные и защитные конфликты, которые, к примеру, при мании и меланхолии рожают тревогу деструкции и потери объекта (относящуюся к внутренним и внешним объектам). По моему мнению, кляйнианская концепция роли инстинктов и защит в фантазиях деструкции объекта позволяет психоаналитику не только достичь лучшего понимания сложных отношений между внутренними и внешними объектами, но и более точно и адекватно интерпретировать их в трансферентных отношениях с анализандом.

Преимущества психоаналитического подхода позволяют получить доступ и трансформировать сознательные и бессознательные психические реакции на сепарацию и утрату объекта независимо от того, обусловлена ли тревога реальностью или целиком базируется на фантазиях, являясь результатом подавленных бессознательных желаний. Эти переживания могут вновь возникать в трансферентных отношениях с психоаналитиком, что дает возможность для их интерпретации и проработки.

Сепарационная тревога в отношениях аналитика и анализанда

Точно так же, как и в повседневных межличностных отношениях, сепарационная тревога возникает в суровых испытаниях отношений между анализандом и аналитиком, оставляя свой след в развитии переноса. Проявления этого вида тревоги не отличаются от тех, что встречаются в обыденной жизни, однако аналитическая ситуация обладает преимуществами обнаружения и сдерживания этого феномена, так же как и весь комплекс феноменов переноса, которые возникают в ходе психоаналитического процесса и могут быть проинтерпретированы.

Сепарационная тревога вездесуща в психоаналитическом лечении; она особенно заметна в связи с окончанием сессии, перед перерывом на выходные, праздники, или в перспективе окончания анализа. Как мы знаем из нашего повседневного опыта, реакции на фантазийные или реальные перерывы в аналитических встречах чрезвычайно разнообразны. Во второй главе, в связи с клинической иллюстрацией, я вернусь к этому вопросу. Отмечу только, что наиболее характерными и часто встречающимися реакциями являются аффективные, такие, как гнев, печаль или отчаяние, отыгрывание, кратковременная или длительная регрессия, или латеральный трансфер со смещением аффектов на одного или нескольких человек вместо того, к кому эти чувства действительно относятся. Отрицание сепарационной тревоги характерно для страха сепарации и потери, в котором за видимым отсутствием реакций скрывается чрезмерная тревога.

Не все анализанды одинаково реагируют на эти ситуации. Некоторые могут выдерживать фантазийное или реальное отсутствие аналитика, благодаря способности к символизации. В целом такие анализанды могут прямо сообщать аналитику о своих эмоциональных реакциях, без утайки говоря о чувствах печали или одиночества, которые пробуждаются в них в связи с разлукой с аналитиком. В противоположность этому, другие анализанды сверхчувствительны и весьма нетерпимы к реальному или фантазийному отсутствию аналитика. В некоторых случаях переживание одиночества (брошенности) в связи с временным отсутствием аналитика может принимать у таких субъектов столь катастрофические пропорции, что ставится под сомнение возможность продолжения анализа. Зачастую эти анализанды не выражают свою нетерпимость сепарации прямо, и тогда приходится иметь дело с примитивными защитными механизмами, такими, как отрицание, расщепление, проекция и интроекция, выраженными в более значительной степени, чем вытеснение. При чрезмерно выраженной тревоге вытеснение действительно недостаточно эффективно, как показал Фрейд (1927е, 1940 а [1938]). При непереносимой внешней и внутренней реальности Эго защищается посредством расщепления, когда одна часть Эго отрицает реальность, а другая принимает ее.

Со своей стороны, я считаю, что для аналитика очень важно выявлять и интерпретировать проявления сепарационной тревоги, чтобы анализанд мог их проработать. Тем не менее, здесь возникает основное затруднение: этот тип тревоги генерирует мощные защиты как у анализанда, так и у аналитика, и, вследствие преобладания нарциссических и примитивных защит, повторные отрицания этих реакций переноса анализандом могут помешать аналитику интерпретировать их. Вследствие всех этих причин интерпретация сепарационной тревоги является непростой задачей, требующей от аналитика большого опыта, в первую очередь в распознавании этой тревоги, часто выражающейся окольными путями, и затем – в предоставлении соответствующей, своевременно достигающей своей цели, интерпретации. Речь идет о полной противоположности стандартной (шаблонной) интерпретации, такой, как сообщение о том, что печаль или определенные действия анализанда могут быть связаны с переживанием отсутствия аналитика. При формальной правильности упрощенное и редуцированное содержание интерпретаций вскоре приведет к повторению, тогда как понимание огромного разнообразия реакций сепарации предоставляет анализанду превосходную возможность осознания переноса.

От клинической практики к различным теориям

По мере развития психоаналитического процесса сепарационная тревога проходит ряд трансформаций, которые могут служить выразительными индикаторами изменений трансферентных отношений между аналитиком и анализандом.

Начало использования сепарационной тревоги в качестве критерия прогресса в лечении относится к 1950 году, когда Рикман попытался определить «момент необратимости», указывая, что процесс личностной интеграции достиг определенного уровня стабильности. Среди шести представленных факторов Рикман рассматривает реакцию на выходные дни в качестве важнейшего критерия переноса. Последующие исследования психоаналитиков были посвящены отношениям между сепарационной тревогой и психоаналитическим процессом и варьировали от исследований прогресса в лечении, отражающегося в фантазиях и снах по поводу выходных, до рассмотрения концепции психоаналитического процесса в целом с точки зрения проработки сепарационной тревоги (Meltzer, 1967).

Несмотря на то, что аналитику относительно легко наблюдать эти трансформации, в частности, прогрессирующее ослабление клинических проявлений сепарационной тревоги, которые постепенно становятся все более терпимыми и интегрируются в эдипальный контекст, на практике оказывается трудным сделать шаг от клинического уровня к теории и рассмотрению этих феноменов в более широкой концептуальной системе. Это ограничивается изучением исторической эволюции психоаналитической мысли.

Изучение развития значимых психоаналитических идей действительно показывает, что сепарационная тревога сначала рассматривалась в клинических и технических терминах, и только значительно позже клинические факты были включены в теоретические концептуальные системы представлений. К примеру, Фрейд в своих статьях начал с указаний на то, что «даже короткие перерывы делают работу несколько неясной. Мы привыкли говорить о “черстовой корке понедельника”, когда начинаем работу после отдыха в воскресенье» (Freud, 1913, p. 127). Только позже, когда ему было семьдесят лет, он включил сепарацию и потерю объекта в переработанную теорию тревоги, в ответ на выход в свет «Травмы рождения» Ранка (Rank, 1924).

Другие аналитики тоже начинали с клинических наблюдений феномена сепарации в лечении, не предпринимая попыток теоретического объяснения. Ференци (Ferenczi, 1919) обращал внимание на воспроизведение в анализе «невроза воскресенья» у пациента; эти наблюдения подтверждены Абрахамом (Abraham, 1919, p. 55), который сообщал о «временном обострении невротических расстройств в связи с воскресеньями, праздниками и отпусками».

Позже аналитики пришли к более правильному пониманию сепарационной тревоги как составной части эмоционального измерения трансферентных отношений; они приступили к детальному изучению не только сложной природы аффективных связей в отношениях между людьми, но и участия и трансформаций Эго в превратностях объектных отношений.

По этой причине любые исследования сепарационной тревоги рассматривают этот феномен в контексте психоаналитической теории объектных отношений, и мы увидим, как эти теории варьируют в зависимости от позиции автора. По этим причинам не существует единой психоаналитической теории, охватывающей все феномены, связанные с этим типом клинически наблюдаемой тревоги, и необходимо будет точно определять положение сепарационной тревоги со ссылкой на ту или иную основную теорию объектных отношений.

Примечания

1. В этой книге иногда я использую мужской род в отношении анализанда или аналитика из соображений простоты.

2. В сравнении с термином «пациент», в этой книге я отдаю предпочтение термину «анализанд», поскольку он подчеркивает активное участие в анализе и не носит сугубо медицинского характера. Термин «анализанд» первоначально был предложен (на немецком языке) Ференци (Naupai, 1989, p. 492).

2. Клиническая иллюстрация сепарационной тревоги

*«...Зорко одно лишь сердце.
Самого главного глазами не увидишь...»*

Антуан де Сент-Экзюпери. «Маленький Принц»

Представленная ниже клиническая иллюстрация демонстрирует разнообразие проявлений сепарационной тревоги на протяжении психоаналитического процесса и возможные интерпретации, которые служат цели распознавания вариантов значений этого трансферентного феномена в связи с развитием лечения.

Разнообразие проявлений сепарационной тревоги

В психоаналитическом процессе Оливии, случай которой я собираюсь вам представить, главным образом доминировали сепарационная тревога и ее трансформации. Оливия пришла в анализ в связи с тем, что формирование отношений с людьми вызывало у нее тревогу, а когда она достигала определенной стадии в недавно начатых отношениях, то вскоре стремилась оборвать их. Психоаналитическое лечение продолжалось несколько лет, по четыре сессии в неделю.

После первой недели анализа я был удивлен интенсивностью реакции Оливии на первоначальную сепарацию; впоследствии эта реакция повторялась, особенно в конце сессий, перед перерывами на выходные и праздники, так же как и при приближении окончания анализа. В начале манифестации сепарационной тревоги были ярко выраженными и театральными, по крайней мере, с моей точки зрения, но становились менее напряженными с продвижением анализа. На первых порах, даже после моих интерпретаций, Оливия не отдавала себе отчета в существовании связи между переносом и этими манифестациями тревоги, проявлявшейся при нарушениях регулярного ритма сессий. Впоследствии, мало-помалу, она начала осознавать важность своих реакций и стала способна лучше прорабатывать их, не игнорируя и не отвергая, а принимая интерпретации этого типа тревоги.

Существует много видов манифестаций тревоги, весьма разнообразных по своей природе. Иногда бывали аффективные реакции в виде приступов смутной тревоги, вспышек ярости, во время которых Оливия атаковала меня прямыми и косвенными обвинениями, ясно выражаясь по поводу того, что я покидаю ее. Иногда на повестке дня были приступы депрессии и отчаяния. В начале анализа часто случались отыгрышания, напрямую, по моему мнению, связанные с перерывами между сессиями, хотя такое объяснение едва ли могло прийти в голову Оливии. При приближении перерыва случались опоздания, пропуски одной и больше сессий. Зачастую во время выходных или праздников Оливия ухаживала за больными или страдающими друзьями обоего пола, или же она доводила себя до изнеможения разного рода занятиями, чтобы «забыть себя», будучи не в состоянии сказать, что и кого она старается таким образом забыть. Время от времени перерывы становились причиной разрыва или вступления в новые отношения. В конечном счете, ее сепарационная тревога проявлялась в таких соматических симптомах, как головные или желудочные боли. Оливия обнаруживала нарушения сна или чрезмерную сонливость, которые так же коррелировали с перерывами. Помнится, что в первые дни моего отсутствия Оливия часто чувствовала себя больной и нуждалась в заботе своей семьи вплоть до момента приближения нашей встречи после разлуки. В этот день Оливия приходила выздоровевшей, не осознавая этих совпадений, хотя, на мой взгляд, это было

очень важно. Долгое время ей невозможно было представить трансферентное значение всех этих проявлений, но постепенно она стала способна к осознанию этих явлений.

Это перечисление служит примером бесконечного разнообразия реакций Оливии на сепарации. Принимая во внимание большую вариабельность сепарационных реакций, при интерпретации необходимо учитывать постоянно изменяющуюся текущую ситуацию переноса и не давать обобщенных или трафаретных интерпретаций.

Конечно, я не могу рассмотреть все возможные интерпретации сепарационной тревоги, во-первых, потому, что их существует бесчисленное множество и каждую интерпретацию следует давать индивидуально, и, во-вторых, потому, что я не ставлю целью представлять готовые рекомендации. Поэтому я ограничусь описанием некоторых результатов, которые наглядно иллюстрируют проявления сепарационной тревоги у Оливии на протяжении курса анализа и мой способ их интерпретации.

Значение случая отыгрывания

Как видим, манифестации сепарационной тревоги настолько разнообразны, что мы постоянно сталкиваемся с новыми или необычными ситуациями. В особенности это применимо к случаям отыгрываний, которые часто коррелируют с отсутствием непрерывности аналитических встреч. Поэтому каждый раз мы должны задаваться вопросом о специфических факторах индивидуальной ситуации.

Рассмотрим пример часто повторявшейся в анализе ситуации, когда во время выходных Оливия внезапно начинала проявлять интерес к больным и, ухаживая за другими, доходила до изнеможения, забывая о себе. Трансферентный смысл этой деятельности становился очевидным ввиду смещения интереса, сконцентрированного на отношениях в переносе, на кого-то, кого она еще вчера не знала. Несомненно, со стороны Оливии было странным внезапно проявлять заинтересованность в каком-то человеке, в котором она обнаруживала чувства, во всех отношениях напоминающие ее собственные, и с такой же внезапностью терять интерес к этому человеку при возобновлении наших сессий. Однажды в пятницу, уходя, Оливия косвенно сообщила мне, что я выказывал пренебрежение и не уделял ей достаточно внимания. «Между прочим» она вспомнила и о том, что, когда была маленькой, мать обычно оставляла ее одну и ей приходилось ухаживать за маленьким братом. Возможно, эти ассоциации говорят о том, что Оливия отрицала свою психическую боль от того, что я оставил ее одну на выходные и она должна была сместить на другого человека свою печаль и бессознательное желание, чтобы я заботился о ней во время воскресного перерыва.

Мне следует спросить себя, что означает это смещение катексиса Оливией. Было ли это нечто большее, чем просто временное смещение с одного субъекта на другой? Я обратил внимание, что выбор Оливии был не случайным; представляется, что бессознательно она выбирала в соответствующем человеке свои собственные чувства в момент нашего расставания на выходные: если чувства были депрессивными, то и человек был депрессивным; если чувства были требовательными, то и человек был требовательным. В соответствии с сообщением Оливии, душевное состояние субъекта во всех отношениях соответствовало ее душевному состоянию, которое она не могла выразить мне прямо.

Для меня стало очевидным, что через эти отыгрывания Оливия не просто смещала катексис с меня на другой субъект, но и осуществляла двойную проективную идентификацию, посредством которой она одновременно защищалась от тревоги сепарации от меня и не признавала эту тревогу. С одной стороны, Оливия проецировала свою беспомощность на того, за кем она ухаживала на протяжении выходных: ухаживая за другим, она фактически бессознательно заботилась о себе и своей боли через проективную идентификацию с болью другого человека (Оливия нарциссически смешивала это). С другой стороны, отыгрывания Оливии

так же репрезентировали идентификацию со мной как с идеальной сиделкой: в своей идеализации она представляла, что, невнимательный к собственной беспомощности, я заботился исключительно о беспомощности других. Таким образом, через проективную идентификацию она идентифицировалась с всемогущим внутренним объектом – идеализированным аналитиком, недостаточно чувствительным и не признающим свою беспомощность. Оливия больше не чувствовала боли сепарации в отношениях со мной. Чтобы избежать беспомощности, она ощущала себя вдвойне сильной и всемогущей – бессознательно идентифицируясь с субъектом, на который она проецировала свою боль, или с идеализированным объектом, который, благодаря своему всемогуществу, был нечувствительным к психической боли.

Таким образом, проективная идентификация на внешний объект сочеталась с проективной идентификацией на внутренний объект с целью избежать любых страданий, связанных с сепарацией в регистре переноса. Однако это обошлось Оливии потерей части своего Эго и хороших внутренних объектов.

Было необходимо безотлагательно интерпретировать различные грани этих двух форм защиты. В начале я должен был дать Оливии интерпретацию по поводу того, почему она использовала аспект контейнер-контейнирования проективной идентификации, оставляя для следующего этапа интерпретацию собственно содержания фантазии. В этом случае требовалась двухэтапная интерпретация. Во-первых, Оливия не могла обрести способность контейнировать тревогу. Только позднее, когда эта способность была заново открыта, появилась возможность обращать внимание на содержание фантазий, представляемых в материале ее ассоциаций и снов, и интерпретировать их на символическом уровне. Описанный выше случай отыгрывания позволил нам лучше понять чувства Оливии. В частности, острая боль заброшенности в одиночестве воскрешала те моменты, когда мать оставляла ее одну с маленьким братом. Кроме того, она смогла осознать, что ее уход за другими имеет много различных значений, включая обращенный ко мне скрытый упрек в том, что я не знаю, как позаботиться о ней.

Можно было бы продолжить исследование, поскольку практически каждый аналитик ставит перед собой подобные вопросы, сталкиваясь с такого рода клиническим материалом, когда перед ним встает выбор – интерпретировать или воздерживаться от интерпретации. Важно, чтобы время интерпретации определялось моментом безотлагательности, диктуемым уровнем тревоги, – так, чтобы интерпретация была действительно согласована с происходящим и связана с содержанием сессии и актуальной ситуацией психоаналитического процесса.

Повторение инфантильной психической травмы

Перерывы в аналитических встречах часто пробуждают воспоминания о более или менее ранних расставаниях или утратах объектов, которые оживают в переносных отношениях и затем могут быть проработаны. Для иллюстрации этого аспекта сепарационной тревоги я воспользуюсь одним из характерных симптомов Оливии – засыпанием, часто случавшимся в связи с окончанием сессии или перерывами на выходные, особенно в тех исключительных случаях, когда это не было запланировано. С самого начала анализа я заметил, что Оливия часто засыпала во время сессий по пятницам, предшествовавшим расставанию на выходные. В некоторых случаях ею овладевала непреодолимая потребность заснуть не только во время сессии перед выходными, но и во время выходных, однако эта дополнительная потребность во сне улетучивалась, когда она вспоминала о том, что должна идти на сессию, как будто только мысль обо мне способствовала исчезновению симптома.

На ранних стадиях анализа Оливия не осознавала своих засыпаний во время сессий, или того, как долго она спала, или того, что была склонна засыпать во время последней на неделе сессии – то есть накануне нашего расставания, в контексте ее отношений со мной. Только постепенно, через материал ее ассоциаций, воспоминаний и снов мы смогли распознать, что

расставания на выходные реактивировали в ней до сих пор бессознательные воспоминания об очень ранней сепарации от матери, даже более ранней, чем та, о которой я уже упоминал и которую Оливия воспроизводила со мной. Оказалось, что еще до того, как Оливии исполнилось шесть месяцев, ее матери пришлось поручить ее кому-то другому на несколько дней. Когда мать вернулась, Оливия уже была другой, она не узнала ее и впоследствии, оставаясь одна, часто засыпала.

По-видимому, в переносе я представлял мать Оливии, и она повторяла со мной ситуацию брошенности, которую пережила в раннем младенчестве. Тем не менее, вместо того, чтобы выражать свои чувства словами, она воспроизводила этот опыт невербально, отыгрывая его через тело. Оливия «повторяла» со мной защитный сон своего младенчества, вместо «вспоминания» (Freud, 1914g).

Этот симптом засыпания может быть рассмотрен в общих понятиях воспроизведения ситуации, представляющей инфантильную «психическую травму», которая не была в достаточной мере проработана. На индивидуальном уровне мы могли наблюдать, как изменялось и трансформировалось содержание фантазий в каждом случае засыпания по мере того, как Оливия развивалась. Сначала она думала, что эти реакции не имеют ничего общего с отношением ко мне, но постепенно она осознала связь засыпаний с приближением наших расставаний, инфантильное содержание этих переживаний и связанных с ним фантазий и аффектов.

Засыпания Оливии могли быть интерпретированы по-разному, например, как временная регрессия, при которой я решался позволять ей оставаться в этом состоянии в моем присутствии до тех пор, пока было необходимо, чтобы она смогла очнуться. Как бы то ни было, я предпочитал различные типы интерпретаций, показывающих, что ее засыпания являются результатом бессознательных, активных и агрессивных защит, в равной мере направленных против осознания расставания со мной и против осознания моего присутствия. Кроме всего прочего, часто именно неизбежность расставания или потери дает основание осознавать и ценить присутствие любимого человека. Из этого следует, что, засыпая накануне расставания со мной, Оливия преуспевала в отрицании важности эмоциональной связи, не признавая неминуемого расставания и не осознавая моего присутствия. Значение засыпаний Оливии не исчерпывалось только исключением восприятия объекта, но включало и дезактивацию органов чувств, посредством которых она могла воспринимать, видеть, слышать и контактировать с объектом, как показано у Сигал (Segal, 1988).

С разных точек зрения, засыпания Оливии представляют достаточно известную форму защиты: интроекцию идеализированного и преследующего объекта в отцепленную часть ее Эго, с которой она частично идентифицировалась. Эта интроекция давала Оливии возможность чувствовать всемогущество в обладании мною и осуществлении нарциссического контроля надо мной внутри себя и, таким образом, она совершенно не признавала расставания. В то же время эта защита усиливала расщепление между идеализированным и преследующим объектом, так же как и расщепление аффектов, что также препятствовало осознанию ей как либидинальных, так и агрессивных инстинктов в отношении меня. Оливия не могла ни выразить словами, ни спроецировать их на меня в переносе. Со временем, когда Оливия смогла прямо вербализовать свою агрессию в отношении меня и связать ее с привязанностью ко мне, ее склонность к засыпаниям уменьшилась. Вместо засыпаний Оливия настолько прониклась доверием ко мне, что обрела способность прямо атаковать и критиковать меня за то, что я оставлял ее без внимания в перерывах между сессиями и на выходные. Идентичные чувства хорошо выразил один мой анализанд в таких выражениях: «Вы – ничто, кроме серии отсутствий, вы – как сыр, который состоит из одних дыр...».

К вопросу проработки эдипальной ситуации

При детальном рассмотрении симптома засыпания в случае Оливии мы пришли к пониманию того, что, по мере развития в анализе, значение сепарационных фантазий изменилось, постепенно продвигаясь от прегенитального к генитальному уровню организации и приближаясь к проработке эдипальной ситуации.

В начале анализа симптом засыпания преимущественно служил защитой от боли восприятия меня как другого и автономного от нее. Позднее, под влиянием регулярного ритма перерывов сессий, содержание фантазий раскрыло ситуации инфантильной брошенности, эти ситуации сначала повторялись, так сказать, в несколько сыром виде. На более поздних стадиях анализа фантазийные и аффективные содержания симптома засыпаний стали более определенными и всесторонними, и Оливия начала выражать их словами в отношениях со мной, возвращая симптом к его истокам и выдвигая на первый план проработку эмоциональных аспектов переноса. Оливия демонстрировала большую толерантность к фрустрации, тревоге, персекуторным и депрессивным переживаниям. Постепенно изменялось и значение моего отсутствия, приобретая все более сексуализированную окраску, близкую к генитальности, по мере того, как я представал в качестве более дифференцированного субъекта определенного пола. Расставания в начале анализа преимущественно переживались как оставление в контексте отношений мать-дитя, но постепенно перешли в эдипальный регистр, в котором сначала зависть, потом ревность выражались в отношении пары, состоящей из отца и матери. На этом этапе я мог по-другому интерпретировать симптом засыпания, преимущественно в соответствии с выражением Оливией чувства исключенности из интимного союза родителей или проявлением ее желания спать со мной, как с отцом, в контексте постэдипальной интроективной идентификации с матерью.

Безусловно, это развитие не было линейным, а состояло из успешных достижений и провалов, из прогрессивных продвижений и отступлений. Тем не менее мы смогли распознать всеобъемлющую тенденцию к снижению интенсивности проявлений сепарационной тревоги и защит от нее, сопровождавшуюся поступательным приближением к проработке эдипова комплекса. В это время, в отсутствие аналитика, Оливия не столько страдала от отсутствия объекта, исполняющего желания, сколько от отсутствия объекта, создающего иллюзию желания.

Связующее звено между любовью и ненавистью при амбивалентности

Неотъемлемой частью сепарационной тревоги является стадия, на которой любовь и ненависть сцеплены друг с другом, но в то же время разъединены, и, на мой взгляд, важно идентифицировать и рекомбинировать их через интерпретации. По мере укрепления аналитических отношений Оливия все реже прибегала к примитивным защитами, таким, как расщепление Эго и объектов, проективная идентификация и идеализация, позволяя существовать амбивалентным чувствам любви-ненависти, с растущим осознанием реальности и тревоги, связанной с расставаниями. Оливия лучше справлялась с аффектами ярости и враждебности в отношении меня и своим чувством вины. В ней стало пробуждаться чувство искренней признательности и благодарности, несмотря на печаль и боль из-за перерывов в наших встречах. Незадолго до моего отпуска на протяжении серии бурных сессий Оливия буквально вопила от ненависти ко мне и от своего отчаяния, но однажды интенсивность ее гнева уменьшилась, и она выразила острое ощущение моего присутствия и его важности для нее в следующих словах:

«Хотя у меня был очень сильный соблазн не приходить, я все же пришла сегодня. Обычно я думаю, что в моих приходах нет никакого смысла,

поскольку я не могу удержать вас или сделать что-либо, чтобы вы не уходили. Сначала я думала, что вы уходите, потому что совсем не заботитесь обо мне, и тогда мне казалось, что я не в силах вынести ваших уходов... Я не могла этого выдерживать: если я не могу этого терпеть, мне не следует приходить. Позже, когда я пришла сегодня и взглянула на ваше лицо, по вашему взгляду я поняла, что я действительно важна для вас, по-настоящему важна. Мне так хочется удержать вас, когда мы расстаемся, потому что когда вас нет, не только мир становится пустым, но и себя я чувствую опустошенной. Но иногда, как сегодня, я смотрю на вас и говорю себе, что жить стоит».

Оливия выразила чувства, присущие депрессивной позиции, в которой любовь и ненависть сцеплены с генитальностью.

Возвращение сепарационной тревоги при приближении к окончанию анализа

С приближением окончания анализа Оливия временами снова впадала в состояние тревоги, прибегая к массивной проективной идентификации как защите от сепарационной тревоги, на этот раз, главным образом, связанной с окончанием анализа. Привожу пример, сопровождаемый моей интерпретацией.

В то время, когда был очевиден быстрый прогресс Оливии, я заметил в ней резкое изменение отношения ко мне: она начала обвинять меня не только в пренебрежении, но, хуже того, в том, что я использую интерпретации, чтобы обвинять, осуждать и порицать ее. Кроме этого, она говорила о том, что я утрирую мой метод, что я больше не способен как следует выполнять свою работу и повинен в профессиональных ошибках. Несколько мгновений я пребывал в сомнениях, пытаюсь понять, в каких же профессиональных ошибках я мог быть виноват. Однако вскоре мне удалось высвободиться из атмосферы преследования (или персекуторной атмосферы – эта формулировка точнее передает атмосферу данного этапа анализа) и подумать о том, что реальной причиной разжигания тревоги, возможно, явился недавний прогресс Оливии, поскольку я уже имел возможность заметить, что каждый новый шаг вперед вызывал в ней тревогу, связанную с приближением окончания анализа. Думаю, что Оливия, обвиняя меня в профессиональной несостоятельности, осуждала меня в том, что я веду ее к более высокому уровню дифференциации, предвещающему окончательную сепарацию от меня.

Напрасно я пытался объяснить различные аспекты ситуации с помощью интерпретаций, обращаясь к Оливии, как к человеку, способному понять меня. Ее поведение становилось все более агрессивным и презрительным, она буквально забрасывала меня оскорблениями во время сессий. Ситуация становилась невыносимой, и мне больше не удавалось добраться до здорового Эго Оливии, поскольку она сходила с ума от тревоги. Осознав, что Оливия не слушает меня, я изменил тактику. Я решил озвучить исходящие от нее чувства, которые она спроецировала на меня через проективную идентификацию: «Я боюсь, что мой аналитик совершил профессиональную ошибку, так как я сильно изменилась и совсем по-другому вижу его...».

Едва я успел закончить это предложение, как Оливия пришла в себя. Она была в минутном замешательстве, неуверенная в том, она ли говорила со мной или я говорил с ней. Затем Оливия взяла себя в руки и сказала, что не знает, почему обвиняла меня, что она очень боялась, что не сможет продолжать свой анализ: она совершила профессиональную ошибку, которая может стоить ей работы, и тогда она не сможет платить за анализ. Таким образом, Оливия подтверждала, что ее прогресс послужил причиной возникновения интенсивной тревоги, связанной с мыслью об окончании анализа. Сепарационная тревога выразилась в обращении к чрезмерной проективной идентификации, которая была повернута вспять посредством «интерпретации в проекции», подробно описанной Даниэль Кинодо (1989).

Что означает оставаться собой и выносить одиночество

На более продвинутых стадиях анализа Оливия постепенно приходила к осознанию всей сложности чувств, которые она испытывала в отношениях со мной. Однажды, как раз в тот момент, когда ей удалось избавиться от трудных переживаний, она очень тонко объяснила, какими были ее чувства, пока она боролась с сепарационной тревогой и прибегала к чрезмерной проективной идентификации:

«Я поняла, что если я утрачиваю части себя, то я теряю не только себя, но и вас... поскольку, если я забираю обратно часть себя, вложенную в вас, я буду чувствовать себя отделенной от вас, так как мы больше не будем связаны друг с другом, но тогда я боюсь потерять вас».

Трудно себе представить лучшее обобщение перехода от нарциссической позиции к объектным отношениям.

Приобретая ощущение целостности и новое чувство ответственности, Оливия начала осознавать свою уникальность и свое одиночество, и свое отличие от других, особенно от меня. Как говорил Марсель Спир: «Чем больше становишься собой, тем более одиноким себя чувствуешь». Однако боль «одиночества» значительно отличается от страданий «брошенности».

Последствия этих новых чувств стали понятными для Оливии, и она следующим образом выразила их мне:

«Теперь я сама принимаю решение приходить на сессии; в прошлом у меня не было чувства ответственности, потому что мне не нужно было принимать решение – приходить или не приходить: я обычно возвращалась на сессии потому, что мне нужно было вновь открывать собственные части, оставленные с вами. Сейчас, когда я чувствую себя целостной, я прихожу снова, потому что оставила вас и нахожу вас здесь таким, каким вы есть: тем человеком, который ждет меня и к которому я очень привязана».

Оливия приручала свое одиночество. Оставаясь одна, она уже не чувствовала себя брошенной во враждебном мире, как это было в начале анализа: она стала ощущать себя ответственной за управление своей жизнью, за создание связей с важными для нее людьми, несмотря на то, что они не всегда соответствовали ее требованиям, как, в частности, я. Отсутствие аналитика больше не воспринималось Оливией как присутствие враждебного объекта – оно воспринималось как отсутствие важного объекта, драгоценные воспоминания о котором изменили ее восприятие окружающего мира, а идентификация с ним открыла в ней способность выдерживать ожидание.

Я представил эти разные фрагменты не в качестве резюме анализа Оливии, а для того, чтобы выделить определенные аспекты возможных интерпретаций проявлений сепарационной тревоги в клинической практике. Это указывает, что прерывистость аналитических встреч вызывает многообразные феномены переноса, с главенствующими проявлениями сепарационной тревоги, что предоставляет ценную возможность интерпретировать ключевые аспекты отношений анализанда и аналитика.

3. Подходы к интерпретации сепарационной тревоги

«Ты как мой маленький лис. Он был просто лисом, как сотни других. Но я сделал его своим другом, и теперь он стал единственным на свете».

Антуан де Сент-Экзюпери. «Маленький Принц»

Сепарация и дифференциация

Прежде, чем двигаться дальше, я бы хотел прояснить значение термина «сепарация» в психоанализе, в контексте сепарационной тревоги. В настоящее время в психоанализе слово «сепарация» используется в двух разных значениях, которые важно различать как в теоретическом, так и в клиническом планах.

В первом значении слово «сепарация» означает расставание с человеком, с которым установлены отношения доверия. Можно сказать, что в этом случае индивидуум, испытывающий соответствующие чувства, знает, в кого он катектировал часть себя, о ком он скучает, кто он сам и кто тот человек, чье временное отсутствие является причиной его взаимоисключающих переживаний: одиночества, печали, злости или боли, но иногда также облегчения и свободы. Сепарация создает такой контекст в отношениях, в котором другой может чувствовать себя свободным приходить и уходить, выбирать продолжение отношений или их прекращение. В подобных отношениях расставание во времени и пространстве не означает прерывания эмоциональных связей с объектом или потерю любви объекта, поскольку объект, воспринимаемый как надежный, не воспользуется расставанием, чтобы покинуть субъект.

При таких условиях межличностные отношения не требуют постоянного присутствия объекта, даже если это присутствие дает удовлетворение в отношениях, а его отсутствие приводит к неудовлетворенности. Временная сепарация (разлука) предполагает надежду на возвращение, даже если каждое расставание вызывает страх всегда вероятной окончательной реальной утраты самого объекта или его любви. Другими словами, отсутствие значимого (катектированного) лица вызывает соответствующие аффекты, но не угрожает психической структуре самого Эго. В таком случае утрата, то есть постоянная сепарация, вызывает психическую боль, связанную с проработкой грусти, но утрата объекта не сопровождается утратой Эго.

Напротив, если индивидуум проявляет признаки тревоги, выраженной, в частности, в ощущении угрозы Эго перед лицом надвигающегося расставания (сепарации) со значимым лицом, тогда «отделение» принимает совершенно другое значение. Отсутствие значимого лица оживляет тревогу, переживаемую Эго индивидуума, когда он вынужден почувствовать, что не является объектом, что объект существует отдельно от его Эго и что он не доверяет намерениям объекта. Отсутствие другого вызывает болезненное восприятие присутствия другого, как не-Я. Фрейд в связи с этим приводит в пример ребенка, который «еще не отделяет свое Эго от внешнего мира... Он постепенно учится этому» (Freud, 1930a). Когда индивидуум чувствует, что «отделение» от значимого лица представляет угрозу целостности его собственного Эго, это свидетельствует о том, что между Эго и объектом существует особая связь, одной из характеристик которой, по-моему, является неизменность частей Эго, недостаточно дифференцированных от частей объекта. Тревога возникает, поскольку отделение переживается не только как потеря объекта, но и как потеря части самого Эго, которая, в сущности, следует за объектом, чтобы оставаться в единстве с ним.

Следовательно, «расставание» (сепарация, отделение) имеет в психоанализе два разных значения, в зависимости от уровня переживания индивидуума: расставание может переживаться в контексте отношений, в которых один покидает другого, с соответствующими реакциями, или может представлять потерю части Эго в результате переживаний потери объекта.

Чтобы обозначить процесс развития Эго в детстве, следует поговорить о «дифференцированности» или «дифференциации». Фэйрберн (Fairbairn, 1941) первым среди аналитиков предложил обратить внимание на формы зависимости субъекта от объекта. В частности, он утверждал, что инфантильная зависимость базируется на неспособности устанавливать различия между субъектом и объектом, тогда как зрелая зависимость включает признание другого в качестве отдельного существа определенного пола, катектированного в контексте характерных триангулярных объектных отношений в эдипальной ситуации. На мой взгляд, термин «сепарация», или «сепарированность», следует относить к расставаниям в контексте отношений, в которых один из участников признает присутствие другого, катектированного как объект, в то время как термин «дифференциация», или «дифференцированность», следует применять при указании на ранний процесс установления различий между Эго и объектом.

Концепция «сепарации-индивидуации», представленная в работах М. Малер (Mahler et al., 1975), существенно дополнила наши знания об этих ранних процессах, внося несомненно ценный вклад в аналитическую теорию, однако введение термина «сепарация» в связи с фазой дифференциации Эго и объекта привело к постоянным ошибкам в понимании, не до конца устраненным разъяснениями М. Малер. По мнению автора, «сепарация» относится исключительно к интрапсихическим процессам, а не к реальной сепарации, которую исследовали Спитц и Боулби (Pine, 1979). Ханна Сигал обращала мое внимание на разное значение слов «сепарация» и «сепарированность» в английском языке: «сепарация» означает отделение одного человека от другого, в то время как «сепарированность» относится к процессу дифференциации Эго и объекта. Я использую оба термина «сепарирование» и «дифференциация», чтобы указать на два различных процесса. (Разделение «сепарации» и «сепарированности» невозможно во французском языке, хотя М. Валькар и Л. Гринберг говорили мне, что английское слово «сепарированность» является неологизмом, который был переведен на испанский язык как *separatividad*.)

Проведение различий в целях унификации

Процессы сепарации и дифференциации взаимосвязаны, и их проработка в психоаналитическом лечении происходит одновременно. Несмотря на то, что эти процессы можно теоретически разграничить и из дидактических соображений противопоставить друг другу, а также считать последовательными, в психоаналитическом процессе они прорабатываются в одно и то же время и их трудно разделить на отдельные составляющие в клинической практике.

Эго пребывает в состоянии постоянного изменения, непрерывно создавая себя заново. Это постоянный поиск идентичности, и я согласен со Спира (Spira, 1985), рассматривающего Эго как нечто новое, безостановочно воссоздающееся из разрозненных элементов в процессе, аналогичном художественному творчеству. Полагаю, что внутри этих непрестанных процессов проекции и интроекции, продвижений вперед и отступлений можно различить линию развития в рамках отношений Эго и его объектов – хотя это не подразумевает непрерывно восходящий путь прогресса: важно иметь определенный жизненный опыт, чтобы к нему можно было вернуться.

На мой взгляд, линия развития прослеживается, к примеру, в том, что необходимым условием процесса сепарации является упрочение процесса дифференциации: постепенно анализанд начинает осознавать присутствие аналитика, мало-помалу дифференцируя то, что

относится к аналитику, и то, что принадлежит ему самому, открывая свою, отличную от аналитика, идентичность.

Повторение разлук и встреч дает возможность детально проработать дифференциацию на уровне нарциссизма и встречу с аналитиком на объектном уровне. Одним из критериев прогресса в анализе служит способность анализанда видеть в аналитике личность (особу), которая постепенно катектируется как объект, от которого можно отказаться в конце анализа, сохраняя целостность Эго при полном, в буквальном смысле слова, отделении от него. В этом отношении мы никогда не завершаем процесс поиска себя, так же как никогда не познаем другого до конца. Эта загадка является частью постоянного изменения, составляющего богатство жизни.

Сепарационная тревога и проработка скорби

Процесс дифференциации и сепарации тесно связан с проработкой скорби. Приобретение возможности отделения от другой личности подразумевает не только способность к переживанию печали в отношениях между двумя людьми, один из которых принимает сепарацию и дифференциацию от другого, но также и способность к проработке скорби на уровне Эго, вовлеченного в союз с объектом, от которого человек сепарируется.

Проработка скорби вплетается в большинство психических процессов, в которых она выполняет функцию прояснения при нормальном развитии и при анализе психопатологии. В первую очередь проработка скорби играет ключевую роль в развитии Эго индивидуума: различные стадии нормального развития можно рассматривать как успешное преодоление ситуаций скорби, связанных с изменениями на протяжении жизни (Naupal, 1977, 1985). Проработка скорби (горевание) является решающим фактором в разрешении эдипова комплекса, представляющего центральную формообразующую сущность психической жизни. Кроме того, преодоление большинства психопатологических состояний напрямую связано со способностью к проработке скорби, существенным аспектом которой является преодоление тревоги сепарации и дифференциации.

Приведем несколько примеров.

Начнем с рассмотрения развития ребенка в понятиях идентификаций, ведущих к разрешению эдипова комплекса. Сначала индивидуум должен дифференцировать и отделить свое Эго от Эго объекта, чтобы затем осуществить переход от нарциссических к интроективным идентификациям, характерным для разрешения эдипова комплекса. Более поздние идентификации базируются на признании различий между субъектом и объектом и на разнице полов и поколений (Fairbairn, 1941). Тенденция к идентификации с первыми объектами и слиянию с ними является наиболее примитивной формой объектных отношений – «быть объектом вместо того, чтобы иметь его» (Freud, 1921c, 1941 [1938]). В случае доминирования эта тенденция к идентификации и слиянию с объектом, который еще не катектирован, усиливает инверсию эдипальной ситуации. Я изучал этот аспект идентификации в случаях гомосексуальных анализандок (J-M. Quinodoz, 1986, 1989a). Напротив, способность отвергнуть отца или мать в момент угасания эдипова комплекса через процесс идентификации «с отвергнутым объектом» (*aufgegebene Objekte*, Freud, 1923b)¹ – механизмы, напоминающие меланхолическую интроекцию, – ведет к нормальному процессу идентификации, так называемой «ассимилирующей идентификации», по Люка (Luquet, 1964), и «пост-эдипальной интроективной идентификации», по Бежуа (Begoïn, 1984). Бежуа считает чрезмерную сепарационную тревогу одним из препятствий к отказу от нарциссической идентификации в пользу интроективной идентификации; он рассматривает этот переход как «основную практическую проблему анализа».

Проработка скорби не только вовлечена в процессы нормального развития, но и служит основным фактором в проработке объектных отношений при множестве психопатологических состояний. Например, патологические интроекции, именуемые также «эндокриптическими

идентификациями» (Abraham, Torok, 1975), могут обнаруживаться в меланхолических объектных отношениях; существенным фактором в их разрешении является процесс дифференциации и сепарации Эго и объекта. Как показала Файмберг (Faimberg, 1987), эти меланхолические интроекции имеют досадную тенденцию передаваться из поколения в поколение через механизм проективной идентификации до тех пор, пока не будут проработаны. Фрейд объяснял в 1917 году, что феномен патологической скорби, характерный для меланхолии, можно найти у предрасположенных к этому индивидуумов – то есть людей, имеющих выраженную тенденцию создавать нарциссические отношения с объектами: это тенденция смешивать Эго и объект поддерживает интроекцию утраченного объекта в отщепленной части Эго и идентификацию с ним. Примечательно, что с 1921 года, при описании механизмов меланхолии, Фрейд применял термин «интроекция» вместо «идентификация».

Потребности в объединении с объектом и тревога отделения от него проявляются во многих других патологических состояниях, затрудняя проработку скорби или даже иногда делая ее невозможной, как это бывает при определенных перверсиях, психотических состояниях и аутизме. Например, негативную терапевтическую реакцию в психоаналитическом процессе тоже можно рассматривать как тенденцию смешения субъекта и объекта.

Ступени, ведущие к интеграции психической жизни и открытию чувства идентичности, также требуют проработки скорби, которая относится не только к объекту, но и к тем частям самости, которые остаются привязанными к объекту, как указывал Гринберг (Grinberg, 1964), поскольку каждая утрата объекта и каждое изменение воспринимается бессознательным как утрата собственных частей, связанных с объектом. Вот почему длительный и болезненный процесс скорби (горевания) необходим для постепенного восстановления характерных аспектов Эго, составляющих идентичность. На мой взгляд, работа созидания столь же длительная и болезненная, поскольку включает проработку скорби, направленную на открытие собственной оригинальности – то есть аспектов, формирующих идентичность, остающуюся смешанной с ранними объектами, с которыми никогда невозможно полностью дифференцироваться.

Потери и приобретения

В основе проработки сепарационной тревоги лежит диалектика нарциссизма и объектных отношений.

Фрейд указывал на это в работе «Подавление, симптомы и тревога» (1926d), в которой впервые были разграничены два фундаментальных уровня тревоги. Речь идет о сепарационной тревоге, которая проявляется на прегенитальных стадиях развития и коррелирует с отношениями между двумя людьми, когда объектом является главным образом мать, и кастрационной тревоге, согласующейся с треугольными отношениями, характерными для эдипова комплекса. Такое резкое противопоставление представляется чрезмерным упрощением и требует некоторой модификации. Большинство теперешних аналитиков считают, что дуальных отношений как таковых не существует и что третье лицо (отец) присутствует с самого начала, даже если это присутствие ограничено фантазиями матери. В отношении кастрационной тревоги я считаю важным заметить, что Фрейд, представляя свои новые взгляды на происхождение тревоги, разделял кастрацию и сепарацию. Во избежание употребления термина «кастрация» по отношению к утрате материнской груди, фекалий или сепарации рождения, как это делали некоторые аналитики, Фрейд еще тогда ясно заявил, что термин «кастрация» следует использовать для определения утраты пениса:

«Признавая все эти корни комплекса, тем не менее, предлагаю ограничить употребление термина “комплекс кастрации” возбуждениями и последствиями, связанными с утратой пениса» (1909b; note added in 1923).

Полагаю, что две контрастирующие сущности нарциссизма и объектных отношений соответствуют двум уровням тревоги – сепарационной и кастрационной, – выделенным Фрейдом. Если считать это альтернативами, тогда одной из целей интерпретации является предоставление анализанду возможности осознания того, к каким неизменным потерям и приобретениям его приводит нарциссическая тенденция и что он теряет и получает при противоположной, то есть объектной, направленности. Признание Эго и объекта является условием проработки ряда нарциссических защит, направленных против двух противоположных целей: в одном случае это «не-восприятие» и отрицание дифференциации (нарциссическая альтернатива), в другом – «не-открытие» объекта (объектная альтернатива).

Защиты, направленные на «не-восприятие» и отрицание дифференциации, усиливают тенденции в отношении смещения Эго и объекта. Нарциссическая альтернатива заключается в привлекательности пребывания в состоянии частичного соединения и слияния с объектом и «конкретного» обладания им, с благими намерениями не потерять его. Конкретное не означает реального: когда Эго еще не достаточно дифференцировано от объекта, а часть Эго нарциссически идентифицируется с ним, когда ранние символы не воспринимаются Эго как символы или заменители, но как сам реальный объект, то все это приводит к формированию «символических равенств» (Segal, 1957). Едва ли существует понятие отсутствия, как и понятие пространства и времени. Это объясняет, почему многие анализанды реагируют на сепарации стремлением к конкретным замещающим отношениям с объектами, в которые они проецируют часть своего Эго или своих внутренних объектов и с которыми идентифицируются. Эти проекции направлены либо на внешние объекты (отыгрывание вовне, агирование), либо на внутренние объекты или части тела, воспринимаемые как объекты (депрессия, ипохондрия или соматизации). Любые различия между Эго и объектом ощущаются в пределах этих трансферентных проекций и интроекций, которые мы относим к производным первичного нарциссизма. Поломка символических связей или утрата слияния, как мы увидим далее, переживаются тогда с тревогой, как полная потеря, так как субъект не может представить никакой другой формы отношений, кроме конкретного обладания объектом. «Все равно я не собираюсь отказаться от чего-то реально существующего ради тени», – сказал мне анализанд, переполненный тревогой, воспринимая, как неизбежное, необходимость позволить объекту уйти.

Другие защиты воздвигаются против открытия объекта. Объектная альтернатива включает отношения субъекта, признающего объект и доверяющего ему. Хотя объект известен, он остается несколько таинственным, поскольку субъект отказывается от конкретного обладания. Более того, субъект уже готов не создавать единения с другим и дифференцироваться от него; он терпимо относится к непостижимому и загадочному характеру объекта, поскольку отношения существуют на символическом психическом уровне, подразумевающим внутреннюю реальность объекта. Когда анализанд отказывается от нарциссических отношений и начинает отдавать предпочтение объектно-ориентированным отношениям, сначала у него возникает ощущение потери в отношениях с конкретным объектом. Анализанду, который, не имея иного опыта, установил с объектом отношения обладания и всемогущего контроля, трудно представить, что он действительно может приобрести нечто ценное в отношениях доверия и непрерывности при символическом присутствии интернализированного объекта (Segal, 1957). В частности, способность общаться с человеком, признаваемым другим, сексуально желать объект, признаваемый гетеросексуальным, или устанавливать эмоционально-любящие отношения с объектом. Ибо подлинно любить объект возможно только при условии, если субъект отказался от обладания им и готов предоставить ему право на свободу.

Резюмируя, отметим, что объект может быть познан только в той степени, в какой субъект смог дифференцироваться от него, и невозможно действительно сепарироваться от объекта без чрезмерной тревоги, пока субъект не встретится с этим объектом. Этот процесс находится

в сердцевине проработки сепарационной тревоги и должен быть проинтерпретирован во всем множестве постоянно меняющихся аспектов.

На пересечении нарциссических и объектных отношений

Как показывает клинический опыт, эти два уровня отношений – объектно-ориентированные и нарциссические – проявляются в двух, соответствующих им, уровнях тревожно-сепарационных реакций анализандов. Анализанды, находящиеся на уровне объектных отношений, как правило, реагируют более сдержанно на окончание сессии, перерывы на выходные или отпуск; значимые проявления их переживаний близки к осознанию. Когда эти проявления подавлены и аналитик интерпретирует их в контексте переноса, такие анализанды осознают и принимают без особого сопротивления то, что их реакции на сепарацию формируют часть содержания отношений с аналитиком. Напротив, анализанды, которые находятся на нарциссическом уровне отношений, часто реагируют с выраженной тревогой на перерывы в аналитических встречах, и связь между проявлениями тревоги и превратностями отношений в переносе обычно остается неосознанной.

Часто они не могут увидеть, что возникновение разнообразных проявлений беспокойства может быть связано с сепарацией, которую они превращают в банальность или важность которой они совершенно не признают. Не только сепарация заставляет анализандов искать прибежища в защитных механизмах, отрицательно воздействующих на их Эго – таких, как отрицание, расщепление, проекция или интроекция, – но и существующая склонность к непризнанию существования самого объекта. В таких случаях необходимо прежде всего восстановить целостность Эго нашими интерпретациями, до того как начать давать интерпретации, адресованные одним лицом другому. Только когда анализанд, условно говоря, может быть возвращен на сессию, он сможет восстановить свою идентичность и переживания «здесь и сейчас», получая, таким образом, возможность рассмотреть свои реакции на сепарацию в контексте переноса. Далее я проиллюстрирую это клиническим примером.

В случаях с объектно-ориентированными анализандами, к примеру которых я обращался в начале, сепарационная тревога является проявлением объектных отношений между людьми, отличающимися друг от друга, встречающимися и расстающимися. В случае анализандов, находящихся на уровне нарциссических отношений, существует тенденция переживать сепарационную тревогу преимущественно как утрату Эго, поскольку потребность оставаться сцепленным с объектом вызывает вредные для Эго последствия, включающие недостаток дифференциации между Эго и объектом.

Одной из центральных проблем психоаналитического процесса является обеспечение благоприятных условий для перехода анализанда с одного уровня психического функционирования на другой. А именно – с нарциссического уровня отношений, характерного для анализандов, интенсивно реагирующих на сепарацию и не способных осознавать связь с аналитиком, на уровень объектно-ориентированных отношений, который предполагает переживание сепарации в контексте интерперсональных взаимоотношений и признание связи с аналитиком. Проработка сепарационной тревоги является поворотным моментом и центральной фазой психоаналитического процесса, независимо от того, какая из теорий объектных отношений принимается в качестве базисной. Многие характеристики этих трансформаций были описаны с различных позиций и исследованы в рамках развития психоаналитического процесса, оценки окончания анализа или их влияния на содержание фантазий, например, снов, приснившихся в ночь с воскресенья на понедельник (Grinberg, 1981). Меня очень впечатляет постепенная интернализация анализандами «способности держаться на плаву». Благодаря этому они приходят к ощущению возможности существовать без аналитика и «летать на собственных крыльях». В своем заключении я еще вернусь к этому.

Сепарационная тревога и нарциссические расстройства

До сих пор я сознательно рассматривал проблемы сепарационной тревоги в психоаналитическом лечении в рамках клинического подхода, обсуждая их в целом, без конкретных ссылок на определенные психоаналитические теории. Во второй части книги мы исследуем эти проблемы в свете различных психоаналитических теорий.

Хотя клинические факты, которые можно наблюдать и описывать общепринятыми терминами, формируют отправную точку обсуждения и, благодаря этому, они понятны всем аналитикам, одни и те же клинические факты могут восприниматься и интерпретироваться по-разному, в зависимости от преимущественной теоретической позиции аналитика. Мы обнаружили, что собственные психоаналитические представления аналитика непосредственно влияют на его отношение в контрпереносе, в том числе на воздержание от интерпретаций и на способ интерпретации сепарационной тревоги, возникающей в отношениях с анализандом. Далее мы сможем проследить, как выбор аналитической техники зависит от особенностей теоретических позиций.

Для иллюстрации возьмем, к примеру, проблему различных концепций нарциссизма, применительно к сепарационной тревоге, учитывая центральную роль этого типа тревоги в переходе от нарциссизма к объектным отношениям. Оказалось, что среди психоаналитиков бытуют две, в корне противоположные, концепции нарциссизма, согласно которым объект осознается или нет, как таковой, с самого рождения, и каждая из этих концепций по-разному влияет на технику интерпретаций.

Если признавать теорию первичного нарциссизма, вначале Эго не дифференцировано от объекта; в этом случае первичный нарциссизм является естественным состоянием, которое индивидуум постепенно преодолевает по мере роста и развития в детстве. Эта позиция была принята Фрейдом в связи с океаническим чувством (1930а). Такой же позиции придерживались Анна Фрейд, Фэйберн, Малер, Кохут, Грюнбергер и Винникотт, а также многие другие авторы. С точки зрения этих аналитиков, постигнув однажды разницу между Эго и объектом, ребенок шаг за шагом выходит из состояния первичного нарциссизма. Этот процесс считается основной стадией либидинального развития, центральную роль в которой играет сепарационная тревога. Предполагается, что в аналитической ситуации анализанд регрессирует к уровню тех инфантильных стадий развития, на которых он оставался фиксированным, поэтому может возобновить естественный процесс развития.

Для Мелани Кляйн и ее последователей Эго и объект воспринимаются от момента рождения, и, как таковой, стадии первичного нарциссизма не существует. Однако, согласно кляйнианскому подходу, не исключается слияние Эго и объекта, и идея нарциссизма вновь возникает при введении понятия проективной идентификации (Klein, 1946). Это понятие одновременно предоставляет возможность и для объектных отношений (так как субъект нуждается в объекте для проекции), и для смешения идентичности между объектом и субъектом (Segal, 1979). Впоследствии такие пост-кляйнианские психоаналитики, как Розенфельд, Сигал, Бион и Мельтцер пришли к выводу о вовлеченности проективной идентификации и зависти в нарциссические структуры, применительно к феномену переноса и психоаналитическому процессу в целом.

Таким образом, аналитики, придерживающиеся концептуальной системы взглядов, созданной М. Кляйн, совсем другим путем пришли к признанию важности феномена нарциссизма в объектных отношениях, а следовательно, и важности проработки сепарационной тревоги в психоаналитическом процессе.

Другие подходы находятся между этими прямо противоположными концепциями нарциссизма, как, например, подход О. Кернберга (Kernberg, 1984), придающего особое значение роли агрессии при нарциссических расстройствах личности, или позиция А. Грина (Green,

1983), который противопоставляет нарциссизм жизни нарциссизму смерти, или так называемому негативному нарциссизму.

Должен подчеркнуть, что, как свидетельствуют недавние исследования, при всей несхожести психоаналитических взглядов на феномен нарциссизма, которые пытаются объяснить проблемы дифференциации и сепарации, помимо расхождений и противоположных мнений, отмечается и определенная конвергенция. В связи с этим я полагаю, что дилемма принятия или непринятия аксиомы первичного нарциссизма в настоящее время отступает на задний план.

Я думаю, что объектные отношения существуют с рождения и даже до рождения, но для нас, как психоаналитиков, большее значение имеет способность ясного осмысления того, что мы наблюдаем в нашей повседневной практике, которая дает нам возможность точно интерпретировать происходящее.

Примечание

1. Переводится на английский (и французский) как «покинутые» объекты. Я предпочитаю переводить как «объекты, которые были отвергнуты», поскольку, таким образом, более точно передается очевидное в немецком варианте противопоставление Фрейдом интроекции утраченного (*verloren*) объекта и идентификации с отцом и матерью – объектами, от которых отказались (*aufgegeben*); более поздний термин подчеркивает активный отказ (отречение), присущий нормальной работе скорби в сравнении с патологической скорбью, при которой констатируется «утрата» объекта (GW 1923b, 13& 257-9). Альбрехт Кученбуш подчеркивал, что слово *aufgegeben* когда-то использовалось в Австрии в значении «закрытия, окончания работы» или «брошенности, покинутости» в применении, например, к дому или фабрике.

Часть вторая

Сепарационная тревога в свете психоаналитических теорий

«Предполагая, что представления аналитика, находящегося позади кушетки, недостаточно релевантны, следует признать, что, как и в области любой экспериментальной науки, экспоненциальный рост большого объема информации обязательно сопровождается относительным умножением незнания».

Мишель Грессо (Gressot, 1963 [1979])

4. Фрейд, сепарационная тревога и потеря объекта

Как уже упоминалось выше, основной теоретический вклад Фрейда в разработку данного вопроса можно найти в двух работах – «Печаль и меланхолия» и «Подавление, симптомы и тревога». В опубликованной в 1917 году работе «Печаль и меланхолия» Фрейд описал базисный механизм защиты от потери объекта, показывая, как депрессия порождается интроекцией утраченного объекта в отщепленной части Эго. Несколько лет спустя, в 1926 году, в работе «Подавление, симптомы и тревога», он описал тревогу как проявление страха сепарации или потери объекта; таким образом, ранние взгляды Фрейда на происхождение тревоги подверглись радикальному пересмотру. Эти два основных положения теории Фрейда, вероятно, не могут быть поняты сами по себе, и нам следует принимать во внимание и другие важные тексты, которые предвосхищают, объясняют или дополняют их.

Несмотря на то, что Фрейд выдвинул фундаментальную гипотезу о психоаналитической динамике отношения человека к сепарации и потере любимых, в его работах содержится всего несколько прямых клинических ссылок на сепарацию в описании переноса. Основные идеи Фрейда базируются на общей психопатологии или наблюдениях из повседневной жизни, без явного упоминания аналитического опыта с пациентами: его последующие модели тревоги, к примеру, описывают ребенка, который боится темноты (1905 г.), затем ребенка, играющего с катушкой (1920 г.), и наконец ребенка, который боится потерять мать (1926 г.). Однако в своих работах и переписке Фрейд в высшей мере проявил свою чуткость к ощущению одиночества, страстного стремления и печали, которые он переживал сам или наблюдал у других людей в связи с сепарацией или утратой любимых.

Сепарация и потеря объекта в ранних работах Фрейда

Инфантильная зависимость и беспомощность

В самых ранних работах Фрейда содержатся ясные указания на важность ранних объектных отношений, значимость которых определяется беспомощностью и физиологической зависимостью, характерными для ранних периодов жизни ребенка.

Первые ссылки на проблему сепарационной тревоги встречаются в письмах Фрейда к Флиссу, в частности, в рукописи о происхождении тревоги и в «Проекте для научной психологии» (Freud, 1950a [1895]). Существует несколько упоминаний о проявляющемся с самого рождения стремлении ребенка найти среди окружающих людей того (обычно это мать), кто

предоставит возможность освобождения от напряжения, вызываемого внутренними физическими и психическими потребностями. Взаимодействие потребности освободиться от напряжения и реальной возможности для этого Фрейд называет «опытом удовлетворения». Следствием отсутствия соответствующих действий, направленных на удовлетворение возникшей у ребенка потребности – например, в кормлении, – будут нарушения в развитии его физических и психических функций, обусловленные незрелостью и состояниями беспомощности (*Hilflosigkeit*). Фрейд использует другую концепцию, в которой вводится понятие «коммуникация» между ребенком и матерью – слово «взаимопонимание» более точно передает смысл термина «*Übereinstimmung*», который употребил Фрейд (Freud, 1959a [1895]: 318), – эта концепция явилась основой психоаналитического понимания роли ранних отношений мать-дитя, которое нашло дальнейшее развитие в понятии «холдинг» Д. Винникотта (Winnicott, 1955) и понятии «контейнирование» В. Биона (Bion, 1962).

Фрейд также считал, что потеря объекта, которая происходит при переживании удовлетворения – в равной мере реального и галлюцинаторного, – создает возможную основу появления желания и последующего поиска объектов: в отсутствии удовлетворяющего объекта его образ будет рекатегоризован в качестве символического представления (галлюцинаторного исполнения желания). Позднее, когда человек начинает поиск новых объектов, он, по мнению Фрейда, стремится не только найти объект, но и открыть заново изначально потерянный объект, который предоставлял реальное удовлетворение в прошлом («Negation», 1925h).

Одновременно с письмами Флиссу Фрейд пишет, что первоначально объект воспринимается Эго в связи с ощущением боли: «На первом месте находится восприятие объектов, заставляющих пронзительно кричать/вопить от причиняемой ими боли» («Project», 1950a [1895]: 366). Позднее, в работе «Инстинкты и их превратности» (Freud, 1915c), Фрейд связал возникновение ненависти с болью, ассоциированной с различными аспектами объекта, которые могут считаться любящими, если приносят удовольствие, и ненавидящими, внушающими отвращение, если становятся источником неудовольствия. Таким образом, Фрейд объяснял возникновение ненависти к объекту травматическими, болезненными ситуациями между ребенком и матерью, которые воспринимаются как угроза физической жизни и выживания человека; эти чувства лежат в основе враждебности и негативного переноса, который играет важную роль в интерпретации сепарационной тревоги.

Страх сепарации (разлуки) как источник тревоги у ребенка

В 1905 году Фрейд напрямую связал приступы тревоги у ребенка с переживанием отсутствия любимого человека: «Происхождение тревоги у детей связано ни с чем иным, как с выражением переживания чувства утраты человека, которого они любят» (Freud, 1905d, p. 224). Опираясь на наблюдения за трехлетним мальчиком, который боялся темноты, Фрейд сформировал свою точку зрения и сделал заключение: «На самом деле он боялся не темноты, а отсутствия кого-то любимого; он был уверен, что будет утешен, как только убедится в присутствии этого человека» (p. 224, сноска). Хотя Фрейд явно приписывал эту детскую тревогу отсутствию любимого человека, в своих теоретических объяснениях он остался верен идее о том, что тревога происходит вследствие непосредственных трансформаций неудовлетворенного либидо. Но в 1926 году он окончательно вернулся к идее о том, что происхождение тревоги связано со страхом сепарации и утраты объекта – не только у детей, но и у взрослых.

Подобные взгляды Фрейд использует в последующих размышлениях о ребенке, играющем с катушкой для того, чтобы воспроизвести исчезновение и появление отсутствующей матери. Это описание стало предметом многочисленных комментариев в психоаналитической литературе. В этом отношении я хотел бы обратить внимание на заметки самого Фрейда по поводу идентификации ребенка с матерью и его описание игры в появление и исчезновение

перед зеркалом. Это представляет собой типичную защиту от идентификации с утраченным объектом, описанную им в 1917 году, которую также можно считать и «идентификацией с фрустрирующим объектом» (Spitz, 1957), и средством трансформации пассивности в активность (Valcarce-Avello, 1987).

Проблема первичного нарциссизма

Существует или не существует в начале жизни младенца или ребенка фаза, в которой он еще не может дифференцировать себя от других (нарциссическая фаза), и может ли восприятие других, как отличных от себя (объектная фаза), быть последующим этапом в развитии ребенка?

Несколько раз на протяжении своей профессиональной деятельности Фрейд менял толкование понятия «нарциссизм». Первоначально он использовал термин «нарциссизм» для обозначения отношений, в которых человек использует свое тело как сексуальный объект (Freud, 1914c). Позже, после введения второй топографии, Фрейд противопоставлял первичное нарциссическое состояние без объектов объектным отношениям. Он называет это исходное состояние «первичным нарциссизмом» и характеризует его как раннюю стадию развития, которая длится достаточно долго, в которой Эго и объекты неотделимы друг от друга и прототипом которой является внутриутробное состояние (Freud, 1916-17, p. 417). Он сохраняет идею нарциссизма через идентификацию с объектами, которую называет «вторичным нарциссизмом».

Однако Фрейд обращает внимание на то, что он никогда не располагал клиническим материалом, подтверждающим существование первичного нарциссизма, и что его идеи базируются на теоретических соображениях и наблюдениях за примитивными народами. Как мы уже констатировали в предыдущей главе, проблема существования или отсутствия фазы первичного нарциссизма остается дискуссионной и продолжает оказывать влияние на основные психоаналитические теории объектных отношений.

«Печаль и меланхолия» (1917e [1915])

Интроекция утраченного объекта

В работе «Печаль и меланхолия», написанной в 1915 году одновременно с «Метапсихологическим дополнением к теории сновидений», но не опубликованной до 1917 года, Фрейд исследовал реакции людей на реальные ситуации утраты объекта или разочарования, вызванного любимым человеком, или утрату идеала: почему одни люди реагируют скорбной печалью, которую они со временем преодолевают, а другие становятся жертвой депрессии (именуемой в то время меланхолией) [Strachey, 1957; Laplanche, 1980].

Фрейд отмечал, что, в отличие от нормальной скорби, которая переживается преимущественно на сознательном уровне, патологическая скорбь развивается бессознательно. Он обращает внимание на меланхолическую ингибицию, которую он приписывает утрате Эго в результате утраты объекта. Меланхолия также сопровождается самообвинениями, которые могут достигать даже уровня бредового ожидания наказания.

Со свойственной ему интуицией Фрейд предполагал, что меланхолические самообвинения на самом деле направлены на кого-то другого – важное лицо из непосредственного окружения, «которое послужило причиной эмоционального расстройства пациента» (ф. 251). Так Фрейд открыл ключ к механизму меланхолии. Это обращение упреков в сторону субъекта происходит потому, что утраченный объект, ответственный за разочарование, устанавливается

заново в Эго, разделенном надвое, одна часть содержит фантазию об утраченном объекте, а другая становится критической силой:

«Таким образом, тень объекта падает на Эго, и последнее, с этого времени, может подвергаться осуждению с особой силой, как если бы это был объект, покинутый объект. Так, утрата объекта была трансформирована в утрату Эго, а конфликт между Эго и любимым лицом – в расщепление (Zweispalt) между критической активностью Эго и Эго, измененным идентификацией» (1917e [1915], p. 249).

Этот механизм интроекции утраченного объекта и расщепления Эго, как защиты от утраты объекта, подвергается воздействию ряда условий, которые Фрейд описал и суммировал следующим образом: (1) для того, чтобы выбор объекта регрессировал к нарциссической идентификации, катексис объекта должен быть слабым и, преимущественно, нарциссическим; (2) для того, чтобы стала возможной интроекция утраченного объекта, либидо должно регрессировать к оральной или каннибальской фазе, на которой силы амбивалентности трансформируют любовь к объекту в идентификацию с ним; ненависть обращается на этот замещающий объект. Так, садистические тенденции в отношении объекта обращаются против самого субъекта. Фрейд указывал, что садизм, обращенный против самого субъекта, в то же время бессознательно продолжает направляться значимому лицу из непосредственного окружения:

Обычно пациентам удастся отомстить объекту, который является первопричиной, с помощью окольного пути самонаказания и мучения любимого лица своей болезнью; они обращаются к этим средствам во избежание необходимости открыто выразить свою враждебность по отношению к нему (1917e [1915], p. 251).

Обращение садизма против себя объясняет, почему меланхолики совершают суициды. Относительно мании Фрейд обнаружил, что это попытка прийти к условиям того же комплекса, что и при меланхолии, жертвой которой становится Эго, поскольку при мании удастся овладеть этими переживаниями или оттолкнуть их (p. 254).

Некоторые неясности у Фрейда

Интуитивная догадка Фрейда действительно является проявлением его гения: когда депрессивный человек говорит «я ненавижу себя», на самом деле он говорит «я ненавижу тебя». Это утверждение наполнено бессознательной ненавистью к любимому объекту. На мой взгляд, эта ценная клиническая интуиция не была полностью понята, и до сих пор психоаналитики недостаточно эффективно применяют ее в практике интерпретаций переноса.

Вероятно, как отмечали некоторые авторы, это связано с определенными неясностями в более поздних формулировках Фрейда. Действительно, читая поздние работы Фрейда, мы можем это обнаружить: некоторые формулировки вполне определены – например, когда он помещает идентификацию с утраченным объектом в отщепленную часть Эго, которая противопоставляется другой части, а другие формулировки, наоборот, двусмысленны. Например, можно оправданно задаться вопросом относительно части Эго, в которой Фрейд располагает субъектное Эго («I»). В какой части Эго отводится место «критическому Эго», «критической силе» или, позже, «Эго-идеалу» и «Супер-Эго»?

Ответы на эти вопросы очень важны, поскольку наш подход к реципрокным отношениям между Эго и объектами будет определять, как мы проинтерпретируем проекцию и интроекцию утраченного объекта, когда они возникнут в переносе во время лечения; далее я приведу пример.

Многие авторы отмечали эти неточности Фрейда. Например, Лапланш спрашивает: «Кто кого преследует в депрессивной топографии?» (Laplanche, 1980, p. 329), – и он желает знать: «Какова центральная позиция дискурса?» и «Откуда исходят слова депрессивного субъекта?». На его взгляд, предпочтительно не пытаться слишком упорно локализовать субъект-Эго, дабы избежать «соблазна разместить субъект где-нибудь, *раз и навсегда*», или превратить его в средство. Лучше быть более прагматичными и вместо вопроса: «Каково происхождение дискурса?» – задавать вопрос: «Откуда это говорится?» (Laplanche, 1980, p. 331). Мельтцер обращает внимание на эти же сомнения Фрейда:

Кажется, что Фрейд сам запутался, и не был уверен: то ли это Эго обвиняет, или Эго-идеал обращается против Эго.

Тем не менее, релевантной, заслуживающей внимание мыслью является его осознание, что вопрос заключается в том, «кому больно?» – Эго или его объекту – и «кто является оскорбленным/поруганным?» (Meltzer, 1978, p. 85).

Мне кажется, что если внимательно читать статьи Фрейда, эти неясности могут быть рассеяны, и тогда аналитик будет иметь все необходимое для того, чтобы распознать специфический конфликт меланхолика в трансферентных отношениях, так что они смогут быть проинтерпретированы и проработаны.

Субъектное Эго критикует объект, а не наоборот

Если мы проанализируем одну за другой формулировки Фрейда, используемые при описании интрапсихического конфликта при меланхолии, приведенные в литературе за 1917е, [1915], 1921с и 1923 годы, то обнаружим, что он последовательно проводит различие между двумя частями Эго, разделенными сплиттингом и противопоставленными друг другу. Одна часть, соответственно, совпадает с субъектным Эго («I»), в то время как другая согласуется с частью Эго, идентифицированной с интроецированным утраченным объектом. Первое направляет критику против последнего, который путают с объектом.

Это достаточно очевидно в «Печали и меланхолии» (Freud, 1917е, [1915]): «Мы видим, как в нем одна часть Эго противостоит другой, критически осуждает ее и воспринимает ее как объект» (p. 247). Дальше в этой же статье он пишет: «конфликт между Эго и любимым лицом [трансформирован] в расщепление между критической активностью Эго и измененного идентификацией Эго» (p. 249). И снова: «ненависть вступает во взаимодействие с этим замещающим объектом, нападая на него, обесценивая его, заставляя страдать и получая садистическое наслаждение от его страданий» (p. 251). Формулировка 1921 года похожа: при меланхолии обвинения «представляют мстительность Эго объекту» (p. 109) или: «одна [из частей Эго] злится на другую. Другая часть, измененная интроекцией, содержит утраченный объект» (p. 109).

Этчегоен одобряет мое прочтение Фрейда в свойственном ему категорическом утверждении, что в «Печали и меланхолии» «критическое Эго принадлежит субъекту, а не инкорпорированному объекту». На его взгляд, это та «особенность, которую сам Фрейд не осознавал и которая недостаточно принималась во внимание его последователями. По моему мнению, двусмысленность/неопределенность приводит к затруднениям во многих технических дискуссиях» (Etchegoyen, 1985, p. 3).

Даже если бы этим противопоставлением между частью субъектного Эго и частью, содержащей утраченный объект, исчерпывался конфликт, свойственный меланхолии, проблема по-прежнему не была бы простой. Картина усложняется тем, что субъектное Эго меланхолика не является субъектным Эго, выполняющим свою нормальную проективную функцию – то есть функцию совести, критической инстанции внутри Эго, которая и в обычные времена занимает критическую позицию по отношению к Эго (Freud, 1921с, p. 109). Вместо этого Эго

критикует «столь безжалостно и неоправданно», что утрачивает свою защитную функцию. Эта чрезвычайно строгая инстанция, создающая расщепление внутри Эго, согласно Фрейду, формирует из субъектного Эго то, что он вначале называл «Эго-идеалом» (1921c) и позднее «Супер-Эго» (1923b). При меланхолии «чрезмерно сильное Супер-Эго, удерживающее власть над сознательным», теперь злится на Эго с безжалостной жестокостью (1923b, p. 53)».

Эти вопросы отнюдь не бесполезны, напротив, они чрезвычайно важны для тех психоаналитиков, которые хотят использовать интуицию Фрейда в технике интерпретаций. Для психоаналитика необходимо знать, кто является субъектным Эго, а кто – объектом, поскольку, пока он не знает, кто кому и что делает, он может быть в замешательстве или воздерживаться от интерпретаций этого типа конфликта, когда тот возникает в трансферентных отношениях.

Позитивный ответ моих анализандов на интерпретации, касающиеся интроекции аналитика – объекта, к которому они относятся как к утраченному объекту (к этому объекту субъект привязан и против него же он направляет свою ненависть, обращая ее против себя), – эффектно подтверждает, что в меланхолических реакциях именно субъектное Эго ненавидит интроецированный объект, а не наоборот. Далее я приведу два клинических примера, иллюстрирующих этот распространенный феномен переноса, и мои интерпретации подобных трансферентных реакций.

Откуда происходит садизм Супер-Эго?

Лапланш и Понталис обращают внимание на трудность определения специфических идентификаций, вовлеченных в структуру Супер-Эго, Эго-идеала, идеального Эго и даже Эго (Laplanche, Pontalis, 1967, p. 437). Поэтому столь нелегко указать точно идентификации, имеющие отношение к интрапсихическому конфликту при меланхолии. Фрейд превратил критическое Эго в Супер-Эго во второй топографии (Freud, 1923b), заявляя, что садизм Супер-Эго в меланхолии является «чистейшей культурой инстинкта смерти», который «часто преуспевает в том, чтобы привести Эго к смерти, если последнее вовремя не отгонит своего тирана обратным превращением в манию» (p. 53).

С 1930 года Фрейд рассматривал садизм меланхолического Супер-Эго по-другому, что, однако, не делает недействительными его ранние взгляды: он выражает согласие с Мелани Кляйн относительно того, что ненависть Супер-Эго в отношении Эго есть не что иное, как результат проекции ненависти Эго на объект, приписываемый Супер-Эго и обращенный на субъектное Эго. Мелани Кляйн считает, что строгость Супер-Эго, наблюдаемая у детей, не имеет отношения к строгости родителей: интернализируется образ родителей, на который ребенок проецирует свои деструктивные инстинкты. Фрейд принимает эту точку зрения с прямой ссылкой на Мелани Кляйн и других английских авторов: «истинная строгость Супер-Эго не является – или не в такой большой степени является – олицетворением строгости, пережитой с ним (объектом) на практике или приписываемой ему; в большей мере это выражение собственной агрессивности по отношению к нему» (Freud, 1930a, 129-30).

Последний момент является существенно важным для выбора техники, так как аналитик может интерпретировать анализанду его самодеструктивность, как результат проекции его агрессии против аналитика, обращенной на Эго анализанда, сбитого с толку интроецированным объектом-аналитиком. В соответствии с интуитивным знанием Фрейда, конфликт между Эго и объектом (в данном случае – аналитиком) трансформируется в интрапсихический конфликт между двумя частями Эго, в которых субъектное Эго атакует интроецированный объект и направляет агрессию, нацеленную на объект, против самого себя.

Расщепление Эго и отрицание реальности, как защиты от утраты объекта

Концепция расщепления Эго была представлена в «Печали и меланхолии» в качестве специфического защитного механизма против утраты объекта, следующего за интроекцией утраченного объекта. Конфликт между Эго и внешними объектами трансформируется в конфликт между двумя частями Эго, которые подвергают воздействию саму структуру Эго: «Таким образом, утрата объекта трансформируется в утрату Эго и конфликт между Эго и любимым лицом, в расщепление (Zwiespalt; GW 1917e, 10, p. 435) между критической активностью Эго и измененной идентификацией Эго» (p. 249). (Во французском варианте этого отрывка используется слово *scission*, которое не способно передать идею расщепления, присущую немецкому слову *Zwiespalt*, содержащему корень *Spalt*, сам по себе близко связанный с *Spaltung* [расщепление]. Чтобы сохранить психоаналитическую концепцию расщепления, *Zweipalt*, на мой взгляд, следует переводить дословно, чтобы передать идею «расщепления надвое». В действительности идея расщепления подробно разработана в другом месте «Печали и меланхолии»: «критическая инстанция, которая отщеплена от Эго» [p. 247]).

Идея расщепления Эго, представленная в «Печали и меланхолии» в свете утраты объекта, впоследствии была дополнена отрицанием реальности. В начале Фрейд представляет отрицание реальности, как защитный механизм, свойственный психозам. Однако позже он видоизменяет эту концепцию, вводя идею о частичном отрицании реальности, поражающем только часть Эго – согласующуюся с психотической частью, – в то время как другая часть Эго сохраняет свои связи с реальностью.

В действительности концепция отрицания реальности, как защитного механизма против утраты объекта, возникла в 1924 году, когда Фрейд провел различие между вытеснением и отрицанием реальности, которое ранее рассматривалось как характерный защитный механизм при психозах. Фрейд приводит пример молодой женщины, которая была влюблена в мужа своей сестры и, стоя рядом с ее смертным одром, вытеснила свои чувства и продемонстрировала «психотическую реакцию [молодой женщины], отрицающей факт смерти сестры» (Freud, 1924b) [1923], p. 184).

В работе «Фетишизм» (1927e) Фрейд отмечает, что отрицание реальности может быть частичным. Он возвращается к своему ясно очерченному противопоставлению невротизма и психозов, с этого момента признавая, что расщепление Эго может существовать в одном и том же индивидууме, одна часть которого отрицает реальность, а другая признает ее. В качестве примера он приводит случай двух молодых людей, которые в детстве «скатомизировали» смерть отца, судя по всему, не став при этом психотиками. Согласно Фрейду, эта скатомизация основана на отрицании реальности смерти отца, по крайней мере, настолько, насколько в этом было заинтересовано Эго. В этом случае Эго молодых людей было разделено на два потока:

Один поток в их психической жизни не распознавал смерть отца, в то время как другой полностью принимал во внимание этот факт. Позиция, соответствующая желанию, и позиция, соответствующая реальности, существовали бок о бок (1927e, p. 156).

Похоже, что после «Печали и меланхолии» Фрейд постепенно пришел к мысли о том, что Эго защищает себя от утраты объекта путем расщепления: одна часть Эго идентифицируется с утраченным объектом, отрицая реальность утраты, а другая часть Эго признает реальность утраты. Более детально он представил эту идею расщепления Эго на две части во «Введении в психоанализ» (1940a [1938]) и в «Расщеплении Эго в защитных процессах» (1940e [1938]). Бион (Вюп, 1957) по-новому развил эту идею через разделение психотической и непсихотич-

секой части личности – эта концепция идеально подходит к описанию феномена расщепления в переносе, наблюдаемого в клинической практике при патологической скорби.

Пример интроекции утраченного объекта и обращения против себя ненависти в переносе

На примере двух клинических случаев я бы хотел проиллюстрировать интроекцию утраченного объекта – аналитика – в переносе, при реактивации амбивалентных чувств любви-ненависти, с которыми мы часто сталкиваемся в связи с перерывами между сессиями, выходными или праздниками. В этих случаях объектом интерпретации является предотвращение закрепления защитных механизмов, характерных для депрессивных реакций. Необходимо также довести до сознания пациента бессознательную привязанность к аналитику, представленную интроекцией и путаницей между анализандом и аналитиком, и вернуть субъекту ненависть, обращенную к объекту, вместо проецирования ее в переносе.

Первый пример описывает несколько депрессивного и амбивалентного пациента, который много раз удивлял меня реакциями на перерывы, связанные с выходными. К примеру, однажды в пятницу я отметил его полную включенность в процесс проработки, радостное настроение и активность, но когда после выходных он пришел на сессию в понедельник, то был подавлен, молчалив и неудовлетворен и, казалось, был вынужден работать без всякого желания. Радикальные перемены произошли в его отношении ко мне: он как будто потерял ко мне всякий интерес и игнорировал мое присутствие, демонстрировал незаинтересованность в том, что прорабатывалось на предыдущей неделе, а также в том, что он чувствовал в данный момент. Я был обеспокоен, не понимал, что происходит, и думал, не случилось ли что-нибудь серьезное в его жизни, не совершил ли он какую-нибудь глупость, о которой не осмеливается мне сказать. Единственные слова, которые он произнес, были: «Я – пустое место, я ничего не могу, я ничтожество».

Не сразу я понял, что, обвиняя себя, фактически он обвинял меня. В результате последующих ассоциаций о приближающихся праздниках я смог проинтерпретировать ему, что, говоря о себе: «Я – пустое место, я ничего не могу», – в действительности он имплицитно обращался ко мне, говоря, что, как аналитик, я – пустое место и ничего не могу сделать. Вместо того, чтобы выразить словами свой гнев на меня за то, что я оставил его одного в такой важный момент, он не сказал ничего, но обратил упрек против себя, показывая мне, что я неспособен что-либо сделать как аналитик.

Пациент немедленно отреагировал на мою интерпретацию: не успел я закончить предложение, как вся его витальность и сила вернулись; казалось, что его депрессия, как по волшебству, растворилась в воздухе, и я услышал, как он вполне определенно высказался по поводу своего гнева на меня. Убежден, что моя интерпретация не только привела его к осознанию своей привязанности и ненависти по отношению ко мне, но и привлекла его внимание к тому, как он обращает против себя агрессию, предназначенную и адресованную мне, смешанному с частью его Эго (интроецированному как утраченный объект). На мой взгляд, этот пациент смог быстро отреагировать на мою интерпретацию и открыто критиковать меня, поскольку, выражая мне свою агрессию, он не боялся потерять меня. Такая реакция отличается от реакции пациентов, которые не осмеливаются выразить свою ненависть к аналитику иначе, как бессознательно. Это происходит от того, что в их представлении ненависть не достаточно связана с либидинальными тенденциями в отношении объекта – аналитика в переносе – в смысле слияния инстинктов (Freud, 1920g, 1923b); им кажется, что ненависть в отношении аналитика является силой, разрушительной для объекта. На другом уровне анализанд чувствовал себя опустошенным и истощенным во время выходных, но, с моей интерпретацией, он смог восстановить свои силы.

Следующий пример касается депрессивного обсессивного пациента, который реагировал на потерю объекта в ситуации переноса во время анализа, при приближении праздников, тенденцией к саботажу против себя. В переносе это было бессознательным выражением его ярости, обращенной против себя в саморазрушительных садистических и мазохистических проявлениях. В раннем детстве этот человек страдал от того, что его много раз бросали. Он казался недоверчивым, заключенным в скорлупу. Тем не менее, его отношения со мной и окружающими медленно улучшались в ходе анализа. Он обезопасил свою профессиональную позицию, соотнес ее со своими возможностями, уменьшилась его склонность считать, что с ним плохо обращаются окружающие его мужчины и женщины. Затем произошел необъяснимый рецидив, настолько сильный, что он не мог нормально работать, и я боялся, что его могут уволить. Я чувствовал, что утратил с ним контакт, он перестал говорить со мной о своих чувствах, а говорил только о работе, где, несмотря на все его усилия, обстановка все более накалялась и его начальник все чаще открыто угрожал уволить его. «Я вгоняю себя в крайность и доведу все до того, что меня вышвырнут», – повторял он мне.

Эти слова напомнили мне о приближении летних каникул, и я подумал, что, стараясь добиться того, чтобы начальник выкинул его, бессознательно он пытается выбросить и меня, так как, потеряв работу, он не сможет оплачивать свой анализ. Он атаковал себя, саботируя свою работу, но он также атаковал и меня. Когда я проинтерпретировал ему, что ненависть, обращенная против себя, бессознательно предназначалась мне, он, не без труда, смог остановить процесс саморазрушения, отвести ненависть от себя и направить ее против объекта, что стало возможным благодаря тому, что в интерпретации соединились аспекты любви и ненависти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.